

СО
ЗЕРЦАНИЕ

Андрей Щукин

**Созерцание
Ристики**

Андрей Щукин
Созерцание Ристики

«Издательские решения»

Щукин А.

Созерцание Ристики / А. Щукин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853092-0

Обычные предметы и события предстают перед российским студентом-психологом с незаметных для большинства людей сторон. Сергей хочет понять себя, переживая о любви и свободе, об общении со сверстниками, о бесперспективности жизни в маленьком городе. Чтобы преодолеть границу между юностью и взрослой жизнью, ему предстоит сложить в единую систему все свои неординарные наблюдения. Книжная серия «Созерцание» призвана стать проводником по современной жизни для тех молодых людей, кто чувствует и мыслит.

ISBN 978-5-44-853092-0

© Щукин А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Сокрытые в дожде	8
Глава 2. Неприкасаемая помеха	18
Глава 3. Три гибели	29
Глава 4. Пробуждение	43
Глава 5. Тёмная рысь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Созерцание Ристики

Андрей Щукин

*Посвящается двум прекрасным женщинам:
маме и жене Любови.*

© Андрей Щукин, 2017

ISBN 978-5-4485-3092-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Жизнь всё время отвлекает наше внимание;
и мы даже не успеваем заметить, от чего именно.*

Франц Кафка

*Если человеку не доступен мир за собственной спиной, имеем ли
мы право рассуждать о его свободе?*

Андрей Николаевич Миль

*Я отдал бы всё, чтобы быть с тобой,
но, может, тебя и на свете нет.*

Группа «Мельница», песня «Королевна»

Двигаясь вместе с толпой, в оживленном людском потоке, вы никак не можете просчитать заранее свой путь. Мимо которых людей вы пройдете, куда повернете, кого заметите, с кем из них соприкоснетесь – дело случая, закономерность или замысел Создателя. Как будет угодно читателю.

Верно одно – мы идем по жизни также как двигаемся в толпе людей. Обгоняя или подвергаясь обгону, ступая во вновь освободившуюся брешь или оказываясь прижатыми к краю, мы остаемся в неведении полного маршрута своего же следования. Ведь решение о следующем шаге обычно принимается внутри каждой ситуации и очень редко просчитывается заранее.

Двигаемся среди людей. А что есть наше движение? Желание достичь высокой цели: знания, свободы, любви? Быть может, просто страх? Страх перестать двигаться как все. Ведь мы догадываемся, что случается с теми, кто посмел остановиться. Они остаются без смысла жизни, без внимания, без любви, без свободы.

Мы так увлечены самим движением, что попытки заметить на ходу хоть что-нибудь обычно неудачны. Наши мысли о мире искрам подобны. Как всполохи гроз расходятся они в нашем сознании во все стороны, убегая от своего автора. Если их вовремя не запечатлеть, то они забудутся через секунду, возможно навсегда.

Тогда мы должны задаться вопросом: насколько много можно не увидеть в суматохе?

Едва замечая особенности близ проходящих людей, путаясь в их лицах, мы не успеваем оценить достоинства. Стоит ли оспаривать утверждение, что проступающий из-за спин пейзаж, на фоне которого происходит наше столпотворение, остается совсем не оцененным. Пейзажа просто нет в нашей жизни.

Сами чувства столь же искроподобны – возникают на мгновения, и запечатлеть их практически нет возможности. В таком случае, как мужчина увидит идеальную для него женщину? Как женщина сумеет обратить на себя внимание мужчины? Загадка.

Загадка – есть всё, что нас окружает. Люди и взаимоотношения, вещи и явления. Мы же отгораживаемся от пейзажа, спасая наш тщательно лишенный загадочности мирок. Распределяем время лишь между решением насущных задач – на продолжение бега с толпой.

Мы безропотно ожидаем столкновение судеб, не имея возможности это спланировать. Нас отталкивает непостижимость вещей. Но что если «обратить внимание» – значит наполовину постичь?

Пусть нам некогда изучать звезды и восхищаться их великолепием. Но что нам звезды? Что нам взрывы звезд? Важнее травинка, растущая перед своим домом – вот, что стоит замечать, чтобы стать счастливым. Ведь особенности малозаметных вещей вносят капельку мистики в наш практичный мир.

Мистическую сторону повседневной реальности большинство людей не замечает, а значит, не успевает удивиться, восхититься или задуматься о ней.

Не замечать новое, не реагировать, жить, словно ничего не произошло – это наша способность. Особенность, позволяющая без новых, тревожащих эмоций двигаться в уже известном направлении. Пока вы не окажетесь готовыми задуматься о смысле происходящего. Когда вы не сможете найти смысл жизни в семье, делах и удовольствиях. В тот день вы вынуждены будете начать поиск: на другом конце света или за собственной спиной, в вековой книге или в еще нерассказанной истории.

Истории, как дожди: своими каплями они сметают даже многолетний слой пыли и обнажают истинный вид вещей. Так может быть, чтобы увидеть мир, сначала стоит послушать историю о нем?

Кстати, именно с дождя и начинается наше повествование.

Глава 1. Сокрытые в дожде

*В книгах мы жадно читаем о том,
на что не обращаем внимания в жизни.
Эмиль Кроткий*

Небесная вода хлынула еще сильнее.

Благо до дверей «Берега» Сергею теперь уже было рукой подать. Мыслям укрыться лучше, чем натянуть ветровку на голову, ему не пришлось.

– Эх, – внутренне сокрушался он, – Ничего не поделаешь, рубашка-то всё равно мокрая.

Выглядывая из кафе через полуоткрытую, стеклянную дверь, посматривая по сторонам, на входе курила девушка.

Проскочив, мимо блондинки, внутрь, Сергей, прежде всего, огляделся. Пару секунд глаза привыкали к приглушенному освещению, которое как нельзя лучше сочеталось с ненастными потемками клонящегося к вечеру дня. Атмосфера стояла прямо-таки сумеречная.

– Отлично, – почти прищелкнул языком от удовольствия Сергей.

К этому времени Игорь уже заметил вошедшего. Сам он сидел за дальним столиком у окна, развалившись и положив локоть на невысокую спинку своего же стула. Перед ним стояла начатая бутылка светлого пива.

Через минуту Сергей всё-таки смог протиснуться между сплетением столиков и весело гудящей за ними молодежи.

– Здорово, Серега!

– Привет!

Последовало рукопожатие.

– Выбрал же ты денек вытянуть меня, – по-доброму начал ворчать Игорь. – Вот почему не вчера? Такая погодка стояла! Посидели бы где-нибудь на улице.

– Так получилось, – оправдался его собеседник, стягивая с себя ветровку.

– Это тебе повезло, – не унимался Игорь, – Что я второй день не на работе, отдыхаю.

– Да уж вижу по щетине, что второй.

– Всё-то ты увидишь, – Игорь чуть смущенно почесал щеку и продолжил. – И родаки¹ ничем не успели нагрузить, а то так бы точно не свиделись.

Сергей про себя отметил правдивость слов Игоря – виделись они редко. Их трудно было назвать друзьями, уж скорее приятелями по месту учебы. Жили они в соседних городах. Интересы и те были разные: Сергею нравилось писать, а Игорь тратил свободное время на то, что барабанил на ударной установке.

Когда он вышел из задумчивости, рядом уже стояла молоденькая официантка.

– Пива закажете? – сходу произнесла она, но потом посмотрела на Сергея и добавила, – Или кофе?

– Нет-нет, лучше какао, – не поднимая глаз, ответил он и принялся заправлять мокрую рубашку в брюки.

Она, молча, кивнула и растворилась среди посетителей.

– Какао? Серега, ты как всегда! – начал подсмеиваться Игорь.

– Что не так-то?

– Ну, смотри: разве обычная девчонка пойдет гулять с парнем, который заказывает какао? – подтрунивал над приятелем Игорь.

– Пойду с необычной, – буркнул Сергей и повернул голову к окну.

¹ Т.е. родители (молодеж. сленг). Здесь и далее прим. автора.

Там капли изо всех сил пытались пробить стекло напротив его лица.

– Я тоже на работу устраиваюсь, – с максимально мужской серьезностью произнес Сергей, но фраза из его уст всё равно прозвучала по-детски.

– Молоток², – с суровой одобрительностью кивнул Игорь, – Что за кантора?

Сергей с досадой отметил, что одобрение Игоря прозвучало серьезнее его собственной фразы.

– Сам еще не понял. Лаборатория какая-то. То ли анализами занимаются, то ли вакцинами. Одно ясно – кантора богатая. Когда на собеседование ездил – оценил, какой цивилизный у них ремонт.

– Так и что: ты анализы будешь собирать? – съехидничал приятель Сергея.

– Скажешь тоже! Данные в компьютер заводить, бумаги разбирать. Вроде того.

– Не по специальности значит.

– По специальности! Ага, сейчас! Как будто ты смог психологом устроиться. Сам-то вон – на стройке. Оказывается, без опыта работы никуда не берут. Спрашивается, как его тогда можно заполнить?

Сергей, как и каждый человек в свое время, недавно сделал это известное открытие.

– Думаю, пора взрослеть, – вновь в серьезной манере продолжил он. – Через год университет заканчиваем.

– Вот-вот, скорее бы, – услышав приятную весть, Игорь даже оторвался от бутылки. – Эх, тогда заживем: ни лекций, ни экзаменов. Как представлю сколько времени у меня будет! Начну еще в одной группе играть, парни с Третьего микрорайона давно звали...

Сергей непроизвольно поежился. На самом деле ему вовсе не хотелось, чтобы студенческая пора заканчивалась так быстро. Подобно птенцу уже жаждущему свободного полета он пока даже боялся представить: как именно этот полет начать? Боязнь самому принимать решения сковывала разум, не давая ощутить свободу. Зато взамен она оставляла зыбкое чувство защищенности от ошибок. Поэтому сначала Сергей, неосознанно, дождался упреков отца, чтобы избежать ответственности за само решение трудоустройства.

Когда принесли какао, Игорь, отчаянно жестикулируя, всё еще вел рассказ.

– ... и этот болван, Саня Кирпич, вылезит на сцену, – ухохатывался Игорь, – И посреди песни пытается сказать в микрофон, что да – это он написал текст, а сам ели на ногах стоит. Я показываю нашему гитаристу: давай соло! Бросаю установку и бегу вроде танцевать с Кирпичом, а сам хватаю его под руку и кругами-кругами утаскиваю за сцену!

Игорь хлопнул ладонью по столу и расхохотался от души.

– Умора, – вставил Сергей и разулыбался, отвлекшись от тягостных мыслей.

Он прослушал начало истории, но успел ухватить соль.

Внезапно, раскат грома вспорол, словно ножом, все звуки: и мелодию дождя за окном, и разномастный людской гомон в кафе. На какую-то секунду стало тихо.

– На миг человек услышал природу, – подумалось Сергею.

Стараясь не забыть мысль, он потянулся во внутренний карман ветровки, сохнувшей на спинке стула, достал блокнот и, склонившись над ним, сразу начал писать.

По окончании, он поймал вопросительный взгляд Игоря.

– Как раз об этом я и хотел тебе рассказать, – чуть взволновано произнес Сергей.

– О чем? – не очень-то заинтересовано отозвался его приятель.

– Понимаешь, я этим летом начал заметки делать. Завел блокнот и пишу туда, когда мысль интересная пришла или что-то неприметное увижу вокруг. Помнишь, нам очкарик по социологии что-то такое втирал однажды на лекции: человек на деле очень мало подробностей замечает о других людях, о мире и себе самом.

² Т.е. молодец.

– Нет, не помню, – на секунду задумался Игорь. – А у нас была социология?

– Вообще-то, да. На втором курсе.

Игорь пожал плечами.

– Ну, смотри, – Сергей перелистнул несколько страниц, – Ездили мы к родственникам в начале лета. Живут они в деревне. Ну, за рекой там чуть подальше, ты знаешь. Постучали в ворота. Собака лает, но никто не открывает. Сели на лавку около ворот, ждем. Мой младший брат первый не выдержал: давай маму дергать, поехали, мол, домой. А она ему: сейчас автобус будет следующий – поедем. А до автобуса главное еще дойти нужно, он же на трассе за поворотом останавливается. Я уже тоже не хотел ждать и говорю маме язвительно: здесь-то точно не стоит ждать, сюда к лавочке он не подъедет.

К этому времени Игорь слегка прищурил правый глаз – явное доказательство его заинтересованности.

– Только договорил, смотрим: из-за крайнего дома вырывается автобус! Как он развернулся, повернулся там – ума не приложу! Автобус же длиннющий, а улочки в деревне узкие и петляют из стороны в сторону, едва легковушки протискиваются. Так он ведь подъезжает и напротив нас останавливается, да еще и двери открывает! Я с открытым ртом стою, брат хихикает.

– Ха, прикол, – наконец уловил нить рассказа Игорь и даже по такому случаю оторвался от пива, – Так и что в конце серии оказалось?

Игорь часто так и говорил – «в конце серии», вместо «в итоге».

– Оказалось у соседей напротив похороны. Это они автобус через предприятие заказали, чтобы потом всем на кладбище ехать.

– Ясненько. Позитивная история, ничего не попишешь, – заключил слушатель Сергея.

– Понимаешь, родители никак не отреагировали. Их это не удивило! Может, в их возрасте я тоже ничему не буду удивляться, но произошедшее в тот день меня зацепило. И я подумал: может быть, вокруг есть еще какие-то мелочи, на которые я не обращаю внимания.

– Так и что это за мелочи?

– Если начну перечислять их, ты скажешь – это бред.

– Я и так скажу, что бред, – весело съязвил Игорь.

За столиком возникла пауза.

Упоминание о младшем брате друга Игорь услышал чуть ли не впервые. Даже сама рассказанная семейная история являлась редкостью в устах молчаливого парня. Распространенная подростковая отстраненность затянулась для Сергея на годы, создавая барьер при общении не только со знакомыми, но и с семьей.

– О, вспомнил! Хотел тебе еще кое-что показать. Сейчас, – загадочно произнес Сергей, поднялся, и неуклюже стал протискиваться между соседними столиками по направлению к кассе.

– Мне тоже возьми!

Игорь неспешно сделал несколько последних глотков хмельного напитка и посмотрел через плечо. Его приятелю отсчитывала сдачу брюнетка с красной лентой в волосах. Сам же он в это время, казалось, сосредоточено вчитывался в этикетку бутылки, которую держал в руках.

Вернулся Сергей с маленькой бутылкой минеральной воды «Vita Aqua» в одной руке и пивом в другой.

– Знаешь что это?

– Ну, ты даешь! – Игорь снисходительно посмотрел на собеседника. – Минералка.

– Да, но какая! Читай, «вит аква».

– И? – Игорь отпил своего напитка и сделал вопросительный жест свободной рукой.

– Переводится: живая, чудодейственная вода. А прикол в том, что именно так в Европе раньше традиционно называли водку! И фраза-то пришла оттуда, только смысл исказился. Минеральную воду называют водкой!

– Ха! – хмыкнул Игорь, уже успевший всерьез приняться за принесенное Сергеем пиво.

– Еще есть Байкальская минералка с таким же названием. И до сих пор люди внимания на эту путаницу не обращают!

– Ладно, ладно, я понял, – благоразумно успел прервать рассказчика Игорь. – Ты вот лучше держи за пивасик³, пока я не забыл.

Он вытащил из джинсов мятую пятидесятирублевую купюру и передал её собеседнику. Сергей сразу начал перетряхивать содержимое карманов в поиске сдачи.

– Ой, да брось ты, – протянул Игорь, в котором алкоголь уже явно начал пробуждать добрые чувства, – Десять рублей – не деньги.

– Ну, да, а десять минут – не время, – заключил Сергей и положил на стол монеты.

Оба от души рассмеялись.

Вновь восстановившееся молчание спряталось за бытовым шумом длинного зала «Берега»: звоном посуды, лязгом отодвигаемых стульев, шелестом людских разговоров и смехом больших компаний. Чуть погодя Игорь уже весело отстукивал какой-то ритм пальцами по столешнице. Среди соседей громко рассказывали анекдот. Сергей сосредоточено перегибал салфетку.

– Иногда недостаточно смотреть, чтобы увидеть, – наконец произнес он.

– Что?

– Много ли ты видишь, Игорь?

– Пока не набрался, вижу достаточно, – поглаживая бутылку, расплылся в улыбке он.

– Да нет. Вот закрой глаза и попытайся восстановить картину вокруг. Ты мало что сможешь, зато поймешь, что кое-какие мелочи обстановки уже обратили на себя твое внимание.

– Зачем мне это?

– Чтобы не скучно жить! Редкие события интересны, правда? Как история с автобусом или путаница с названием минералки. Вот я и подумал, а что если вокруг постоянно можно видеть мелочи, которые удивляют.

На последних словах у Сергея запершило в горле, и он принялся за какао. Игорь же насупил брови, и, казалось, действительно пытался что-то малозаметное рассмотреть в законном пейзаже.

Там стихия, словно играя с людьми, иногда чуть угасала, даря надежду застигнутым врасплох прохожим добраться до дома. Её возвращающаяся ярость позволяла добежать лишь до ближайшей подворотни. Поэтому перед окном и поодаль, на другой стороне улицы, периодически пробежали фигуры.

Сергею нравилась непогода. Он чувствовал себя в такие дни более уверенным в себе. Ведь когда люди спешат под дождем до укромных мест, то никому и дела нет до твоей персоны. Никто не обращает на тебя внимания, и ты волен совершать поступки менее всего ожидая вмешательства другого человека. Замкнутый на свой внутренний мир, стеснительный, Сергей всегда страшился некой внешней силы или даже внешнего контакта.

– Ну, смотри, – Сергей поставил локти на стол, обхватив свои плечи руками, – Вот мы сейчас в этой забегаловке словно сокрытые от окружающих.

Запьяневший приятель Сергея недоверчиво оглянулся по сторонам и даже себе за спину.

– Мы вроде здесь, заметь, у окна сидим, – продолжил он и посмотрел наружу, сквозь струящиеся воды, омывающие стекло «Берега», – Но люди проходят мимо, нет, даже пробегают. Да, и в кафе никто нас не замечает.

³ Т.е. пиво.

– Хм... что-то не пойму к чему ты клонишь.

Сергей с минуту сосредоточено покусывал губу и барабанил пальцами себе по плечу.

– Если подумать, – его голос наконец-то обрел твердость, – Похоже, мы вот также не замечаем окружающую действительность. Мы все – просто промокшие прохожие. И чем дольше мы под дождем, тем торопливее шаг, тем сильнее нам хочется лишь добраться до конца пути. Тут уж не до мелочей, встреченных по дороге. А зря. Что скажешь?

– Скажу, – Игорь сделал театральную паузу, – Что тебе нужно попробовать вести социологию.

Они вновь рассмеялись.

– Игорь, как тебе удастся так просто ко всему относиться? Вот бы мне такое понимание найти! Хочу, наконец, открыть этот мир, – заключил он, заканчивая мять очередную салфетку.

– Да, ладно! Девчонку тебе надо найти, а не понимание, и поменьше заумных фильмов смотреть.

– Не умничаю я, – немного смутился Сергей. – Хотя, может ты и прав. Разберу бардак в голове, и будет мне счастье.

Девушки у Сергея, и в самом деле, не было. Он как раз находился в той поре, когда только поглядывать на них – было уже явно мало. Однако в отличие от половины своих сверстников, крутивших романы во всю, Сергею на эту тему пока нечем было похвастаться.

– Короче, расслабься, – резюмировал Игорь.

Затем он отодвинул очередную пустую бутылку на край стола и, с умиротворенным видом, стал смотреть в окно. Там самые отчаянные прохожие уже брали приступом образовавшиеся лужи.

Сергей допил свой какао до последней капли.

Дождь закончился.

– Что-нибудь еще? – прозвучал рядом женский голос.

– А? Не, не, всё, – Сергей, не поднимая глаз, торопливо пододвинул девушке, с красной заколкой в виде бабочки, свою чашку и несколько изрядно измятых салфеток.

– Маршрутка скоро, – улыбнувшись, констатировал он.

Пришла пора надевать сырую ветровку.

– Серега, вот ты говоришь: закрытые мы тут, в дожде...

– Сокрытые. И что?

– Ну, она-то тебя, это, увидела, раз чашку пришла забирать, – выговорил Игорь, кивнув в сторону уже удаляющейся девушки.

– Да, ты прав, – заключил Сергей и посмотрел в ту же сторону, но в сутолоке посетителей ничего не увидел. – Подумаю об этом.

Он поднялся и попрощавшись с собеседником, думая о чем-то своем, рассеянно стал пробираться между столиками. Эти зигзаги привели его к одной из дальних стен, причудливо раскрашенной и покрытой вычурной лепкой. Она осталась в память о прежнем использовании помещения – творческой мастерской. Протискиваясь вдоль стены, Сергей машинально протянул руку и надавил на один из украшающих её выступов. Блеснул свет, и открылась дверь. Сергей, в задумчивости смотря лишь себе под ноги, вышел и закрыл за собой сокрытую в стене дверь.

Игорь, оторвавшись от только что вытасченного из кармана рукописного расписания репетиций, удивленно посмотрел на стену. Сколько раз он посещал кафе, но никогда не видел, что здесь есть еще один выход.

Девушка, которая обслуживала их столик, кажется, была еще больше удивлена. Она даже чуть приоткрыла рот от изумления.

Больше никто из посетителей и персонала «Берега» в тот вечер не заметил ничего необычного.

* * *

Мысль петляющая, откуда ты взялась? Секунду назад тебя еще не существовало. И меня вместе с тобой словно не существовало. Теперь же обзорно, панорамно пробегаешь ты по последним дням моей жизни, останавливаясь на ярких моментах – восторгающих или угнетающих – заполняешь ими мое сознание, пробуждаешь его, закладываешь входные данные для поведения в новом дне.

И раз, и два, и – включается восприятие слуха.

– И блинчики готовлю. Слышишь? – произнес родной женский голос.

– Да, мама, – ответил Сергей почти автоматически.

– Так что давай вставай.

Наконец-то услышав от сына-студента первые слова, Галина Александровна почувствовала, что её утренний материнский долг выполнен.

Привычно пружинит край кровати. Раздаются столь же привычные, мягкие, удаляющиеся шаги.

Глаза Сергея уже открыты, видят вокруг пятна предметов, присутствующих всяк на своем месте. Вверху темноватая полоса шкафа, слева пол, справа потолок с одинокой лампочкой, посередине зашторенное окно, наконец, внизу стол в бумагах.

– Колыбель моих дум, – сразу вздохнул Сергей, бегло вспомнив длинный список неоконченных учебных и творческих дел, – А вот и мой главный мотиватор – листок на стене над столом с надписью «продолжать пытаться». Кажется, это Игорь посоветовал держать надпись перед глазами, якобы она помогает достигать целей. Собственно, когда я решил поступать в университет, то я вычертил подобную надпись где-то внутри своей головы. Не отличаясь скоростью мышления, большим умом или сильной памятью, при решении различных учебных заданий мне только и оставалось «продолжать пытаться», чтобы проявить знания достаточные для начала большого профессионального обучения.

Надпись мотивировала Сергея к действиям, вызывала на борьбу уже сейчас, когда он еще расслаблен и даже не поднял головы. А борьбы в его жизни, как у любого подростка, хватало.

Мужской мир недружелюбно принимал Сергея, сколько он себя помнил. Отец, бывший прапорщик, а нынче слесарь никогда не проявлял достаточного интереса к сыну. Он держался особняком, не подпуская к себе Сергея, выбрав роль скорее строгого надзирателя, чем воспитателя, помощника или друга. Наиболее сильное мужское отторжение проявилось в школе – основном поле действий для приобретения друзей и врагов, поиска своего статуса среди сверстников. В средних и старших классах отношения с одноклассниками у Сергея не ладились. Заставляя себя идти в школу, Сергею каждый день приходилось представлять, что вчерашних дней – насмешек, обид и падений – не существовало. Он подходил к группе ребят из своего класса, в том числе и своим обидчикам, и протягивал руку для пожатия, как ни в чем не бывало. Трюк срабатывал. Все ребята отвечали на жест, повинуюсь негласному мужскому правилу – пожимать протянутую руку даже недругу. В эти несколько минут Сергей чувствовал себя частью большой мужской компании, однако часто к концу уроков отношения с одноклассниками вновь оставляли желать лучшего.

Когда ты слабый подросток, противостоящий нескольким обидчикам, то внешне у тебя почти нет шансов достойно ответить им, зато у тебя есть ценная возможность продолжать ковать характер внутри себя. В конечном счете, после окончания школы Сергей мысленно благодарил даже самых жестко относившихся к нему одноклассников. Впоследствии способность начать день с чистого листа положительно отразилась на мотивации в учебе и бытовых делах: заслуги предыдущего дня не дают тебе право не добиваться новых заслуг.

Женский мир для Сергея и вовсе оставался загадкой. Он обращал внимание на женщин на улице, читал о них в книгах и смотрел за их поведением по телевизору, но никак не мог уловить какие они в жизни и как с ними себя вести. Полноценно общаться со сверстницами не позволяла стеснительность и рассеянность. Ко всему прочему Сергей не считал себя сильным, красивым или весёлым. Тогда что он мог предложить прекрасному полу?

Когда Сергей начал ездить в университет, то крупницы общения с девочками – преимущественно с однокурсницами – начали появляться в его жизни. Однако эти случаи нисколько не рассеивали густого тумана непонимания. Будучи впечатлительным, он всякий раз оставался почти шокированным после общения с девочками.

Сергею достаточно было припомнить пару случаев знакомства, чтобы оценить пугающую откровенность слабого пола, вступающую в контраст с часто загадочной, кроткой внешностью.

– Лена. Рак. И это не знак зодиака, – шепнула Сергею на ухо, на вечере посвящения в студенты, плаксивого вида девушка – известная на курсе любительница распространяться о своих болезнях и преувеличивать их.

– Если честно, мне больше нравится смотреть на кровь, – отвергла предложение Сергея сходить в перерыве между парами посмотреть на рыбок в соседнем зоомагазине, новая, тихая соседка по лекции.

Наконец, Сергей закончил размышлять и поднялся с кровати. Понедельник неотвратимо звал его на семинар по психологии личности, а потом на работу в лабораторию. Для семинара он полночи готовил доклад, собирая воедино выписанные вчера в библиотеке заметки, и теперь чувствовал себя разбитым и не выспавшимся. Сказывалась выработанная четырьмя годами студенческая привычка – откладывать дело на последний момент, чтобы затем в авральном режиме, доискиваясь до сути проблем, экономя время для других дел и испытывая экстремальный азарт. Из-за частых недосыпаний и крепкого утреннего сна, он давно не помнил мелодию на своем будильнике.

– Утро нового дня: что оно принесет, что он принесет? – играл словами студент, собираясь мыслями к докладу, пока шел до места учебы.

В институте успеваемость Сергея относительно сверстников значительно выросла по сравнению со школьными безуспешными годами. По общим гуманитарным и специальным психологическим предметам он считался вдумчивым умником, поэтому при необходимости сделать несколько докладов к какому-нибудь семинару группа всегда могла рассчитывать, что один из докладов возьмет на себя Сергей.

На третьем ряду аудитории как всегда обнималась и целовалась парочка. Максим и Алёна недавно перестали скрывать, что встречаются, чем вызвали оживленные толки среди своих менее удачливых сверстников.

Казалось, что более всего новоявленной счастливой парочке завидует преподаватель психологии личности – нервная особа средних лет, всегда с чистыми ногтями, но грязными каблуками, неразлучная со своим тёмно-зеленым, плотным, несуразным костюмом, за который и носила среди студентов прозвище Зелёнка.

– Черт вас возьми, вы на паре находитесь или где, – заходя в аудиторию, доцент сразу наградила вниманием парочку.

Максим и Алёна на секунду приняли приличный вид, а затем их проявления нежности продолжились ниже уровня парты, вне досягаемости поля зрения доцента.

Сергей по традиции группы выступил первым.

– Недавно одной крупной американской газетой был проведен любопытный эксперимент, – начал он докладывать собранную информацию по выбранной теме – «Фрагментарность восприятия информации», – На одной из станций метро человек играл на скрипке около часа. Больше тысячи человек прошли мимо музыканта за это время. Лишь немногие из них нашли

время задержаться ненадолго. Несколько заинтересовавшихся детей родители почти силой заставили двигаться дальше.

Результат незамеченного выступления оказался удивительным, ведь исполнителем являлся один из самых талантливых современных музыкантов в мире, сыгравший одни из самых сложных и прекрасных частей музыкальных произведений, на одной из самых дорогих скрипок в мире. Вопрос, который поднимался экспериментом: способен ли человек сам в повседневной жизни, в неподходящий час заметить нечто прекрасное.

Доклад продолжался еще около пяти минут, после чего Сергей остался стоять за кафедрой, ожидая оваций раскрытой теме невидимой красоты. Однако в аудитории никто всерьез его не услышал.

– Видно, что вы старались, – смирила докладчика взглядом доцент, – Или по ошибке скачали реферат по философии. Мы же тут психологию изучаем. Вам, молодой человек – четыре. Кто следующий?

Сергей вернулся на свое место раздосадованный. Научный подход, притянутый с помощью фактов, к идее Сергея о незаметных мелочах явно не сработал.

– Ты классно выступил, – послышался за правым плечом шепот Валентины, которая всегда старалась проявлять участие.

– Видимо, недостаточно классно, – оглянувшись, улыбнулся ей Сергей, а потом шутливо добавил, – Придется книгу написать, чтобы быть услышанным.

– Нормально тему задвинул, Батан, – подал голос слева Игорь, – Просто Зелёнка не в духе.

Сразу после окончания семинара старшекурсники разбежались кто куда. Повзрослевшие, отягощенные трудовыми, общественными или семейными обязанностями они уже не имели возможности надолго собираться вместе, неспешно обсуждать учебные и личные дела, наслаждаясь беззаботной, молодой жизнью. Торопился и Сергей. Привычная экономия на проезд в общественном транспорте вынуждала его добираться до места работы быстрым шагом. При входе в лабораторию он спросонья и в спешке едва успел убрать руку, из-под захлопнувшейся двери.

– Эй, мальчик, осторожнее! – отстранил Сергея молодой мужчина в вельветовом пиджаке, вновь открывая дверь и заходя внутрь.

Двери с давних пор таким способом, норовят пригласить нас в другой мир, пробудить внимание к происходящему. В этом мире наша жизнь на время меняется. Получив дверью по пальцам, мы ощущаем боль, от чего восприятие становится острее. Если повезет и дело дойдет до гипса, то изменения будут сильнее: можно встретиться с новыми людьми – с работниками медицинских учреждений, на несколько дней или недель изменить устоявшийся уклад собственной жизни.

Сергей даже знал человека, которому открылась такая дверь в другой мир, правда, открылась ненадолго.

С Юрой он познакомился еще в возрасте восьми лет. После переезда в новый дом их квартиры оказались на одной лестничной клетке. Довольно быстро ребята познакомились и часто играли вместе во дворе. Родители Юры большую часть года проживали в частном секторе, навещаясь в квартиру только от случая к случаю. Подобное нерегулярное общение привело к неоднозначным отношениям. С одной стороны, Сергей считал Юру другом, однако с уточнением – другом детства. По мере взросления и уменьшения регулярности общения друзьям всё меньше удавалось общаться. В те годы Сергей уже начал учиться в университете на психолога, а Юра только начал задумываться о профессии.

В этот период, о котором вспомнил Сергей, Юра подрабатывал в цеху столяром. Фирма, которой принадлежал цех, занималась производством дверей и окон, впрочем, не гнушалась и другими заказами.

Однажды вечером Юра, с парой других рабочих, задержались в цеху, чтобы выполнить сверхурочный заказ – клиент приехал из другого города и договорился, чтобы дверь по его требованиям закончили к исходу следующего дня. На черта ему нужна была дверь со столь нестандартными размерами останется неизвестным. Однако именно указанное обстоятельство вынудило Юру включить циркулярную пилу и приняться за корректирование размеров заготовки. Сказалась усталость или рассеянность, а может, выпитое перед делом пиво, но проводя очередной раз доску через пилу, Юра не заметил сучок. Левая рука дернулась и на мгновение коснулась мчащегося лезвия. Этого оказалось достаточно, чтобы лишиться безымянного пальца.

Не Бог весть, какая потеря, но уже в первые месяцы после события с дверью разительные изменения произошли с Юрой. Прежде всего, он совсем перестал притрагиваться к алкоголю. С подавленным настроением он распространялся среди друзей о никчемности жизни в их городишке. Очень скоро весёлой компании стали надоедать подобные разговоры. Тогда Юра стал больше уединяться, часто приезжая в родительскую квартиру. На вопросы о себе он отвечал, будто у него открылись глаза. После неудачных попыток смириться с изменением количества пальцев на руке, он обратил внимание не на себя, а на окружение. Переживания сменились мудрыми рассуждениями, критическим отношением ко всякой вещи. Он вновь заговорил о поездке в Красноярск – его мальчишеской мечте начать новую, самостоятельную жизнь в большом городе.

Окончательно съехав от родителей в пустующую квартиру напротив квартиры Сергея, сначала он целыми днями только и делал, что смотрел телевизор. Потом к нему в руки попали кисти и краски – он стал рисовать.

Прошло около полугода. Юра вновь стал прикладываться к бутылке. Мечта уехать в Красноярск, чтобы начать новую жизнь поблекла, превратившись в несбыточную. Его мама вновь стала регулярно приезжать, чтобы убираться в квартире, где Юра жил почти безвылазно. Сергей к тому времени с утра до вечера пропадал в университете, поэтому виделись соседи редко. От происшествия с дверью и дальнейшего пробуждения всего-то хорошего и осталось, как желание рисовать. Новых же происшествий в жизни не почти не выходившего из квартиры Юры не происходило.

– Интересно, – подумалось Сергею, – Сколько раз нужно отрубать человеку по пальцу, чтобы он добрался наконец до своей мечты?

К тому времени как размышления закончились, он уже добрался до своего рабочего места. Ничего впечатляющего трудовые будни, занятые преимущественно переключением бумаг, не сулили, разве что случайно встретить в коридоре менеджера из соседнего отдела – Анжелику, отдающую предпочтение блузкам с глубоким декольте. Назвать этот интерес влюбленностью будет неправильно. Если бы Сергей задумался, например, над цветом глаз Анжелики, то вряд ли бы он их припомнил.

С Анжеликой он ни разу не решился заговорить, поскольку с любимыми людьми он находил общий язык с трудом, особенно с красивыми девушками. Многие сотрудники лаборатории ходили в белых халатах, что еще больше затрудняло знакомство и нормальное общение, поскольку Сергей, обычно сосредоточенный на своих мыслях, никак не мог запомнить: с кем уже здоровался сегодня, а кого видел впервые. Чтобы не попасть в неловкую ситуацию, здороваясь с одним и тем же коллегой по несколько раз за день, он вовсе опускал глаза, делая вид, что не видит человека. Зато довольно скоро нашелся неожиданный выход: смотря под ноги, Сергей стал легче, чем по лицам запоминать с какой парой обуви он уже здоровался. В такой комичной ситуации люди ему казались каким-то неудачным приложением к собственной обуви.

Сегодняшний день являлся серым и не запоминаемым, кроме двух моментов. Во-первых, при выходе из подъезда дома, он встретил непривычно рано проснувшегося Юру, кото-

рый стоял около почтовых ящиков с задумчивым видом. После приветствия тот показал вытасченную из ящика короткую записку.

– Помнишь Катю? – унылым голосом спросил Юра, – Мы с ней летом дружили. Думал, вот-вот отношения станут серьезными. Две недели назад поссорились, а теперь – вот.

Сергей окинул взглядом записку: уезжаю, если и вернусь, то зимой 2006 года.

– Всё, конец мечтам. Куда она уехала? Полтора года ждать нереально – она наверняка кого-нибудь встретит за это время.

Сергей понимал, что художественная натура соседа обязательно обратится за помощью к бутылке, чего не хотелось наблюдать вновь. Поэтому ему пришла в голову идея: поведать о своем давнем наблюдении.

– Ждать осталось недолго. Ты в курсе, что в каждом году две зимы: январская и декабрьская?

Юра удивленно посмотрел на соседа.

– Мне кажется, Катя не могла надолго уехать, поэтому написала тебе, что вернется через четыре месяца – январской зимой 2006. Я замечал, что в серьезных книгах обычно не пишут: зимой такого-то года. Всё потому, что зимы в году две!

Сергей сам не до конца разобрался с вопросом двух зим, но ему очень хотелось выглядеть перед соседом всё понимающим психологом, поэтому он, играючи, однозначно интерпретировал записку девушки. Юра сразу повеселел и поблагодарил Сергея, на чем они и распрощались.

Во-вторых, сегодня Сергею приснился хорошо запомнившийся набор ощущений. Он очутился на далекой, жаркой, чужой земле, полнившейся ненавязчивым трепетом, словно добраться сюда стало возможным только через суровые жизненные испытания. Вчера закончилось последнее из них, даровавшее дальнейшую безграничную свободу. Кроме того, в этом первом дне новой жизни ощущалось присутствие кого-то еще, трогательное, создающее восторженную ломоту в сердце.

В целом, содержание сна оказывалось настолько далеким от реальности, что Сергею оставалось только расстроено вздохнуть и вернуться к своей несвободно серой и незаметной жизни одинокого, подрабатывающего студента из мало обеспеченной семьи в маленьком сибирском городке. Ничто из его настоящей жизни не могло пробудить в нем настоящий интерес. Он жаждал проснуться, но пока не понимал как.

Учеба в этом году только началась, и нерегулярное расписание еще позволяло Сергею посвятить два-три дня в неделю работе по договору в лаборатории – преимущественно сортировке медицинских документов с анализами – основному нерядовому событию его замкнутых на учебу будней. До событий, вынудивших его ум вступить в контакт с внешним миром, оставалось около двух недель.

Глава 2. Неприкасаемая помеха

Начиная с определенной точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь.

Франц Кафка

Шла третья неделя осени. После занятий в институте, Сергей, как чаще всего и случалось, один побрел в сторону автовокзала. Путь был не близкий, но он никуда не спешил.

Периодически он оглядывался по сторонам, ненадолго выходя из привычного для него состояния отчужденности. Когда что-нибудь достаточно сильно привлекало его внимание – он тянулся в карман за блокнотом. Доставал его и небольшой карандаш, а потом спеша, словно стесняясь прохожих, что видят его за этим занятием, делал краткие заметки. Из-за спешки почерк получался мало разборчивым даже для него самого. Причиной же новоявленного хобби стал интерес к несуразности поведения или разговоров людей, к любой мелочи, выходящей за общепринятые, ожидаемые рамки. Признаться, примечательного попадалось мало.

Дорога пролежала мимо небольшого продуктового магазинчика, при котором был кондитерский отдел. Там Сергей покупал эклеры с взбитыми сливками. Студенческие финансы многого не позволяли, но, к счастью, желания совпадали с возможностями.

– Один эклер, вот этот, пожалуйста, – важно сообщил Сергей продавщице, чуть полной женщиной средних лет.

– Спасибо. Да, – воскликнул он, вспомнив про просьбу мамы – по дороге домой купить сахар, и начал оглядывать полки за спиной женщины, – У вас сахар-песок есть или только кубиками?

– Только такой.

– А насколько он дороже песка, подскажите?

– Ой, кажется рублей на десять, – ответила женщина и чуть более грустным тоном добавила, – А вообще, не знаю: сахар не ем, мне нельзя...

– М... бывает, – только и нашелся, что сказать Сергей.

Он вышел на улицу и первым делом записал в блокнот только что состоявшийся диалог. Другой человек, скорее всего, вовсе не обратил бы внимания на него, но для Сергея это и было хобби.

Когда прошедшим летом он начал впервые систематизировать свои заметки, то он даже дал название подобным диалогам – короткие пути к душе. Ведь некогда ему уже приходилось с удивлением обнаруживать их.

Как тот сумбурный разговор длинной в минуту с одноклассницей Валентиной, среди студенческой пирушки в знак окончания второго или третьего курса.

– Привет еще раз! Всё хотел спросить, а вот что тебе нравится? – улучив минутку, он отвлек её от всеобщего весёлого возлияния.

– Дай подумать... Стихи, природа, дельфины, – почти не задумываясь, ответила она.

– Дельфины? – словно почувствовав нечто скрытое за её словами, он решил спросить именно об этом. – Интересно! Может быть, ты видела, касалась их?

– Да! И плавала с ними.

– Почувствовала что-нибудь?

– Их язычки. И... душе лучше, – произнесла это, она вдруг почти перестала улыбаться.

– Еще бы! Такое необычное, мудрое животное, – не зная, куда выведет нить столь странного разговора, осторожно добавил он.

– Да. Они меня спасают, – вокруг было шумно, но она уже, казалось, слышала только его голос.

– Веришь в их силу? – сказал он, как ему показалось в полной тишине.

– Когда умерла мама, они меня спасали. Мы ведь с ней часто вместе к ним ходили.

– Понял... Ей они тоже нравились? – окончательно серьезным голосом спросил он.

– Да.

– И если станет плохо, то, – он сделал паузу, подбирая нужные слова, – То ты знаешь куда идти. Я понял тебя, – он помолчал еще немного. – Желаю, чтобы не стало.

– Спасибо!

Разговор не привел к более близкому знакомству, но на тот вечер оба чувствовали смущение и неожиданно возникшее доверие к почти не знакомому человеку.

Пока Сергей перебирал в памяти подробности того необычного разговора, он свернул на аллею, где корни тополей постепенно превращали асфальтированную дорожку в лесную тропинку.

– Удивительное дело: вот так спросишь у человека безделицу, а узнаешь о нем нечто серьезное, – раздумывал Сергей, на ходу с аппетитом поглощая свое сокровище со сливками.

– Эй, чувачек! Сиги⁴ есть?

Он так глубоко задумался, что даже не сразу услышал, как к нему обращаются проходящие мимо парни.

– Что? А, нет, – Сергей поскорее отвернулся от них и ускорил шаг.

– Смотри, какой чудила! – засмеялись позади него парни, верно почувствовав, что он их побаивается.

Чувствуя спиной, что молодые люди еще могут смотреть ему вслед, Сергей решил пойти другой дорогой и свернул в первый попавшийся переулок.

* * *

Пожалуй, в каждом городе России хоть в одном месте на проезжей части есть помеха движению в виде постороннего предмета, находящегося здесь «с начала времен».

Люди, которых упомянутый факт должен касаться, даже не задумываются о нем, потому что помеха находится словно вне поля их зрения.

Водители всех мастей, дорожные службы, постоянные прохожие воспринимают это излишество как часть пейзажа.

Даже советские времена, нависавшие над различными учреждениями и предприятиями тёмной тучей ответственности за участки автодорог и трасс, не смогли полностью избавить нас от этих баловней судьбы, пред которыми иные должны преклоняться – сторониться и объезжать.

Они остаются незамеченными, словно неприкасаемыми.

Остаются таковыми до особых событий.

* * *

Когда Сергей вышел из переулка на улицу Ударников, он увидел, что по левую сторону, на перекрестке толпится народ.

Трудно было не поддаться соблазну и не разузнать – что там произошло. Мимо проехал эвакуатор, увозя на себе останки красного легкового автомобиля. Банальность произошедшего стала Сергею ясна.

– Авария, – без выражения констатировал он.

⁴ Т.е. сигареты.

Однако он не особо спешил домой, да и мужское любопытство к около автомобильным происшествиям взяло над ним верх, и он решил подойти поближе.

Оказалось, что и женскому любопытству здесь нашлось место.

– Вы видели? – женщина в фирменном зеленом фартуке обратилась к случайной соседке по толпе, – Такая молодая женщина вела машину.

– Что вы говорите! – сразу поддержала разговор та.

– Да! И главное, ведь никто ей не мешал, – затараторила первая, – Я на мороженом работаю: мне всё было видно.

И для убедительности она показала рукой в сторону холодильника на колесах под зонтиком. Сергею же оставалось лишь не закрывать уши, чтобы узнать всё из первых уст.

– Ехала она, мне показалось, не очень быстро, – сходу дала экспертное заключение продавец мороженого, – Просто на пустом месте – раз! – и уже в столб втемяшилась.

– Может наркоманка? – предложила её новоиспеченная подруга. – Нынче молодежь – безголовая. Накупят дорогих машин, а потом людей на них сбивают.

Экспертных заключений стало уже два.

– Это не дорогая машина, – немного помолчав, парировала продавец. – У моего зятя похожая...

Сергею даже не пришлось расспрашивать зевак о случившемся. Даже наоборот: чтобы услышать свои мысли ему пришлось подальше отойти от говорливых собеседниц.

Побродив пару минут вокруг, Сергей присмотрел свободную скамейку. Он устроился на краю и достал блокнот.

– Машина. Женщина. Перекресток, – попытался нагнать на себя волну вдохновения он.

Прислушавшись к себе, он с сожалением обнаружил лишь чувство голода. Ни одной стоящей мысли в голову не шло. Чтобы не держать без дела на весу карандаш, он принялся штрихами изображать перекресток. Сначала он очертил деревья и дома, затем дошла очередь и до более мелких деталей: скамеек, ограждений тротуара и мелких обломков, оставшихся на проезжей части.

Тем временем уличное движение вступило в свою силу. Машины, скрепя шинами по осколкам, уже прокладывали себе дороги на все четыре стороны. По своим делам отправились и зеваки. Событие исчерпало себя.

Когда листок оказался весь покрыт штрихами и всё еще не получил ни одного слова, блокнот был захлопнут. Мысли у Сергея остались только про ужин. Встав, он начал заталкивать блокнот обратно в карман.

События нескольких следующих минут, разворачивающиеся на перекрестке, оказались особыми.

На только-только затихшем перекрестке послышался визг тормозов. Сергей рефлекторно вскинул глаза и увидел красную машину, вошедшую в юз. Всё что он успел разобрать – это сверкнувший лучами заходящего солнца метал и крик продавщицы мороженого. К тому мгновению как он смог воспринимать и другую информацию, он понял, что машина уже лежит на боку. Сам же он стоит на полусогнутых ногах.

Два-три мужчины побежали к перевернувшейся Тойоте. Поддавшись разуму толпы, Сергей тоже выбежал на перекресток. Там самые активные из подросших уже доставали водителя. Им оказалась молодая женщина. На её светлых волосах проступила кровь. Она была без сознания.

Несколько женщин вокруг то и дело кричали и причитали на все лады. Ничего нельзя было толком разобрать. Вдруг один крик заглушил все остальные. Это была женщина в фартуке. Сергей подошел ближе и узнал разговорчивую мороженщицу. Она выглядела как помешавшаяся: глаза её расширились и остекленели. Она прикрывала рот руками, поэтому было видно, что её руки дрожат.

– Её ведь уже увезли, – твердила она. – Её уже увезли...

– Женщина, вы о чем? – недовольно вставил солидно одетый мужчина в очках с чёрной оправой.

Он только что помог перенести пострадавшую на газон и теперь стоял в раздумьях: идти ли ему дальше по своим делам или дожидаться какой-нибудь развязки.

– Ох, мать, здесь ведь только что была авария, – спохватился пожилой мужчина, стоящий позади них.

Затем он присмотрелся к разбитому автомобилю.

– Розовая эта, как её. Тойота! – на этих словах он замер, – Так, на этой же легковушке!

– Она не розовая, а алая! – ответили ему из другой части толпы.

– Какая разница?

– Кто-нибудь уже вызвал Скорую? – вопрошали тем временем вокруг сердобольные зеваки.

– Точно, она тоже была красная, – констатировал вслух, но скорее сам для себя, Сергей, – Вот так совпадение.

По толпе послышался шелест пересудов.

– Не понял, – сказал мужчина в рубашке-поло, оторвавшись от сигареты. – Она ведь уже минут двадцать назад разбилась. Её что, до сих пор не увезли?

– Вам же сказано: мы только что её вытащили! – продолжая сердиться на глупые реплики окружающих, ответил ему мужчина в очках.

– Позвольте, у меня отличная память – это профессиональное, – похвастался он, однако не удосужился назвать род занятий. – Я выходил в прошлый раз покурить и видел её лежащей на этом газоне.

– И машина не там стоит, – через секунду сообщил он.

Люди возбужденно заговорили на повышенных тонах.

– Песочного цвета костюмчик, волосы до плеч, да и лицо – это она, говорю вам! – не унимался поло.

– Сейчас приедут медики. Сначала не хотели – говорили, что только что съездили на этот вызов, – громко объявил кто-то.

– Слушай, Макс, подходи сюда, если можешь, – говорил по телефону парень в светлой кепке. – Тут клёвый крэш, так еще и что-то странное с кровавой Тойотой.

Старушка в тяжелых грязных кедах перекрестилась, держа в другой руке за спиной полупустую холщовую голубоватую сумку. Уже давно не имея интересных занятий, она ссутулилась пуще прежнего и осталась стоять вместе со всеми, чуть покачиваясь взад и вперед.

Сергей, как и многие другие, уже несколько раз проделал путь от женщины, лежащей на газоне до машины и обратно. Он прокручивал в памяти события последних минут. Но ничего не мог сообразить, даже чувство голода к нему не взывало.

* * *

На расстоянии одной улицы от перекрестка человек в сине-серой форме четким шагом подошел к серому, неприметному зданию. Затем он привычно быстро взобрался на крыльцо и зашел внутрь. Скрипучие пружины тут же плотно закрыли за ним дверь. Внутри, Алексей Степанович приветливо поздоровался с охранником и перекинулся с ним парой шуток. Потом менее бодрым шагом побрел по коридору вглубь необъятного здания. Совсем уже вялым движением открыл дверь своего кабинета, и устало подошел к своему столу. Кинул форменную куртку на стул у стены. Затем он плюхнулся на свой рабочий стул, который выглядел чрезвычайно неудобным. Тут же ослабились несколько шурупов и креплений, и, скрипнув, он принял форму тела своего хозяина.

В кабинете находилось еще два стола, и за одним из них сидела сутулая фигура.

– Куда ходил? – без выражения произнес молоденький лейтенант, не отрываясь, однако, от пасьянса на пузатом экране компьютера.

Алексей зажмурился и потер правое веко, в надежде уменьшить усталость. Прошла, должно быть, целая минута, прежде чем он ответил. Лейтенант впрочем, похоже, не заметил паузы – он неистово щелкал мышью.

– Тойота, красный металлик, убралась в столб.

– Прикольнo. А мы здесь при чем?

– На границе нашего участка. Пришлось протокол писать.

– Алконафт?

– Нет. Баба. Блондинка, – всё еще не открывая глаз, ответил Алексей.

– Жива? – так же без интереса спросил лейтенант.

– А? Вроде да. Скорая увезла.

– Пойдем курить.

Вновь прошла минута.

– Ты же знаешь: я не курю, – он сделал небольшую паузу, – Свои.

– Вот ты жлоб! Ладно, угощаю. Пошли.

Алексей на ощупь сгреб связку ключей со стола и лишь затем открыл глаза. Одновременно встав, через секунду они вышли.

В курилке как всегда царил невесть откуда бравшаяся даже в жаркие дни прохлада. Через пыльные, засаленные оконца Алексей в тысячный раз смотрел на не богатый пейзаж за окном – какой-то дворик. Причем у него не было ощущения, что он смотрит наружу. Стекла были слабопроницаемыми для света. Их поверхность словно сама напиталась сизым дымом. В сущности, он смотрел на само окно, как смотрят на картину. Закопанный пейзаж казался изображенным на самом стекле.

Он выпустил дым прямо в стекло и почувствовал себя художником, добавившим штрих к своей картине. Тем временем в курилку подошла еще пара сослуживцев. Завязался незатейливый разговор. Алексей делал вид, что слушает. На самом же деле он витал мыслями далеко: на пятьдесят километров восточнее и на четыре дня в будущем. Он улыбался шуткам, сам же представлял, как на следующей неделе приедет к отцу готовить дом к зиме. А вечером они затопят баню, выпьют пару стопок водки и его, наконец, отпустит эта непомерная осенняя усталость.

Он еще грезил горячим баннным паром, когда в комнатухе появился начальник.

– Здравствуйте, товарищи. Как я смотрю, все на своих рабочих местах, – оскал Константина Петровича блеснул золотым зубом, и по две звезды блеснули с каждого его плеча.

Лейтенант исчез первый, а через минуту в курилке осталось двое.

– Степаныч, как в отделе обстановочка? – улучил момент разведать обстановку подполковник. – Всё путем?

– Под контролем, Константин Петрович.

– Что-то ты вялый какой-то. Кофе бы лучше выпил, чем здесь у окна куковать.

Они сделали по паре затяжек.

– Я только с совещания приехал, – Константин Петрович кивнул на багровую папку в своей левой руке. – А тут такое!

Алексей не почувствовал, что должен как-то отреагировать на слова начальника и продолжал смотреть на стену перед собой. Константин Петрович нахмурился.

– Мне что, теперь лично все аварии на участке разгребать? – неожиданно закончил подполковник.

Алексей рефлекторно выпрямил осанку и непонимающе уставился на начальство. Кофе уже не требовалось.

– Видел что натворила красная Тойота? – спокойно продолжил подполковник.

– Так точно, знаю. Мы с двадцать минут как убрали машину...

На этих словах Алексей Степанович встретился взглядом с начальником и недоговорил, поскольку увидел, как у того от удивления расширяются глаза.

– Чего вы убрали? – грозно процедил Константин Петрович. – Вон она раскрошена на пол улицы!

Теперь настал черед удивиться Алексею.

– Быть не может! Товарищ подполковник, у меня протоколы в кабинете лежат: сорок минут назад Тойота красного цвета обняла столб на перекрестке Советской и Ударников. Гражданка Патрушева отправлена в ближайшее отделение скорой помощи. Машину увезли, чтобы восстановить движение.

– Послушай, я не сон вчерашний рассказываю. Я только что проехал через перекресток. Там всё еще лежит потерпевшая, светленькая такая.

У Алексея по спине пробежал холодок. Было от чего – ведь он собственноручно помогал погрузить пострадавшую в Скорую и даже проводил удаляющуюся автомашину взглядом.

– Капитан, разберись. Потом сразу доложишь.

Через секунду, вслед за сослуживцами, из комнаты для курения исчез и Алексей.

Очень скоро они с лейтенантом Васильевым широкими шагами уже приближались к перекрестку. Издали невозможный гомон напоминал ни что иное как птичий базар. Мельком взглянув на искореженный красный металл, Алексей непроизвольно выругался: начальник оказался прав. Дьявольски красная машина вновь раскидала свои части по всему перекрестку, даром, что сегодня он уже проконтролировал его уборку.

– Граждане, да расступитесь же, – с нетерпением протиснулся он к женскому телу и словно окаменел.

– Васильев, это она, – не привычно слабым голосом выдохнул капитан.

Лейтенант заглянул в папку с документами, которую держал в руках.

– Патрушева? – уточнил он и получил в ответ утвердительный кивок.

Не успели они толком прояснить подробности произошедшего, как следом приехали медики. Алексей, совершенно ошарашенный, второй раз за день подал в карету скорой помощи упавшую туфлю молодой, светловолосой женщины в песочном костюме. Этой случайной гостье его участка, чье бессознательное молчание и закрытые глаза приковали к себе столько внимания.

– Черт возьми, интересно, а какого цвета у нее глаза? – вдруг подумалось ему.

* * *

В это же самое время в паре километров к северу от неприкасаемой помехи, на светофоре, стояла красная Тойота. За рулем сидела молодая женщина в деловом костюме цвета мокрого песка. Она смотрела своими карими глазами в зеркало заднего вида, оценивая, насколько хорошо накрашены у нее ресницы. Загорелся зеленый, и Марина плавно нажала на педаль газа.

Через десять минут, одолев несколько поворотов и километров, Марина подъезжала к тому самому перекрестку. Еще издали картина казалась странной. Ей даже подумалось: не сон ли это?

На тротуарах толпились люди. Несколько человек стояло на проезжей части. И все как один смотрели на её неспешно приближающуюся машину! Приглядевшись, она удивилась уже по-настоящему. Нет, люди смотрели не на машину, как это обычно и бывает. Они старались рассмотреть её лицо!

– Господи, – погружаясь в растерянность, прошептала Марина.

Верхняя часть лобового стекла была чуть тонирована, поэтому некоторые из собравшихся людей склонили головы набок или даже слегка наклонились, чтобы разглядеть водителя. Марина уже ехала совсем медленно и могла наблюдать получившийся жутковатый эффект: все они смотрели исподлобья.

При взгляде из машины ситуация казалась невозможной. Такого внимания к собственной персоне она не чувствовала никогда. На секунду ей вспомнилась мечта из детства: эстрадная звезда Марина приезжает на свой концерт и приковывает восторженные взгляды целой толпы поклонников.

Однако отличие от мечты состояло в отсутствии оваций в честь прибывшей звезды. На улице царило безмолвие. Она знала, так как в салоне тоже стояла тишина. Марина относительно недавно получила водительские права, поэтому музыка при вождении её отвлекала.

– Что ж такое, – вновь прошептала Марина.

Вторая и главная особенность столь дивной встречи состояла в самом выражении лиц.

– Застыли словно...

Марина с трудом пыталась вспомнить схожую ситуацию.

– Боже! – ей вдруг стало совсем не по себе. – Застыли, словно увидели привидение.

Она не прибавляла скорость, потому как несколько человек по обеим сторонам стояли прямо на проезжей части и расступались лишь, когда расстояние между ними и автомобилем угрожающе сокращалось. Никаких заграждающих лент или других признаков, что ей следовало бы остановиться, не наблюдалось. В итоге она убрала ногу с педали и красная Тойота просто покатила с пешеходной скоростью.

Наконец, впереди возникли фигуры, отличающиеся от других: они были в милицеевской форме, стояли по центру перекрестка и, похоже, не собирались уходить с пути как другие. Позади них асфальт оказался усыпанным каким-то мусором, виднелись автомобильные обломки. Только теперь Марина обратила внимание, что повсюду валяется битое стекло.

Ей пришлось остановиться, что было не сложно – она лишь в смятение коснулась педали тормоза.

Происходящее по-прежнему казалось нереальным, а чувства всё еще были сбиты с толку. Тревога, проявляемая интуицией, теперь прочно завладела её подсознанием. В горле пересохло, и она судорожно сглотнула.

Тревога, напоминающая состояние перед кабинетом стоматолога. Она появляется, когда хочется успокоить себя, от чего становится еще тревожнее. Когда уже хочется уйти, да детский возраст и оплаченный прием не позволяют сделать этого. И мы добровольно заходим в кабинет, словно в горящую печь, обреченно закрывая за собой дверцу. Хлоп!

Та же необходимость, с которой Марина понимала, что ей придется остановиться, подсказывала ей, что теперь придется выйти из машины.

Необходимость соответствовать поступкам взрослого современного человека.

Когда ощущаешь тревогу, трудно понять: по пустяку она или нет? Даже если ваше предчувствие развито, опасность события трудно оценить. Ведь современное воспитание не оставляет шанса отвлечься на не объясненные разумом чувства. Оно душит эти уникальные особенности нашей психики.

– Не беспокойся попусту, – говорит нам воспитание.

– Всё будет хорошо, – гипнотизируя, бездумно шепчет оно нам.

Пока же мы ждем развязки, предчувствие усиливается: портит нам нервы, но не приносит никакой пользы.

Наконец чувства Марины стали определенными – в ней заговорило негодование. Подобное она испытывала в школьные годы, когда вместо ожидаемой пятерки вдруг получала четверку.

В конце концов, она ничего не нарушила! Это замешательство отдаляет её встречу с сестренками. Они и так снова будут подшучивать: над её неумением быстро водить машину.

В итоге, она открыла дверцу уверенной в себе. Поставила на асфальт сначала одну туфельку с чёрным, широким, блестящим каблукочком. Затем наклонилась к соседнему креслу, чтобы проверить мобильный телефон. Сообщений и пропущенных звонков не было.

Она вышла и закрыла за собой дверцу. Хлоп!

В салоне остался букет запахов, какие витают в помещениях, обжитых женщинами.

Внутри покинутого пространства воцарилась полнейшая тишина. Потоки воздуха прекратили движение. Стало жарче.

Всё действие перенеслось наружу.

* * *

Скорая еще только уезжала в одну сторону, а в конце противоположной стороны улицы Ударников уже появилась красная машина. Все люди на перекрестке, которых собрало случившееся событие, кричали наперебой, не давая Алексею и подъехавшим инспекторам дорожных служб выполнять свои обязанности.

Несмотря на обильное внимание к месту происшествия, для того, чтобы обнажилась суть события, не хватало заключительного, третьего аккорда.

Когда приближающийся автомобиль стал различимым, несколько возгласов самых внимательных зевак возвестили об этом, чем привели в молчаливое оцепенение всю, ожидающую развязки, аудиторию перекрестка.

Автомобиль стремительно приближался, не давая людям времени на размышления.

– Мамочки, её ведь уже увезли, – осипшим голосом вновь простонала мороженщица, всматриваясь в боковые стекла проезжающей мимо Тойоты.

– Проклятье! Чтобы мне пусто было, – опешил поло, опуская руку с незажженной сигаретой.

Алексей, не отрывая взгляда от подъезжающей проклятой легковушки, молча, схватил за плечо лейтенанта Васильева и на негнущихся ногах сделал десяток шагов прямо в центр перекрестка.

Машина Марины мерно наехала на скрипучее стекло и остановилась.

– Лёха, ты веришь в то, что видишь? Это, черт возьми, вообще как? – сказал тот, что был ниже в чине.

Алексей даже не заметил обращения не по уставу на людях, равно как и не корректно построенной фразы. В ответ он только покачал головой. Лицо женщины в песочном костюме, только что вышедшей из машины, было уже знакомо обоим.

Сергей вместе со всеми неотрывно наблюдал чудесное явление. Смотрел вместе со всеми, а видел нечто свое. Ведь собравшиеся люди видели разные события: нарушение дорожных правил, красочные аварии, трагедию, мистику, нарушение их спокойствия, опасность, забаву. Сколько людей – столько и событий, разыгрывающихся на перекрестке.

Вдруг Сергей увидел, что машина-то остановилась перед посторонним предметом металлического цвета. Сначала ему показалось, что это обломок машины от предыдущих аварий. Он сделал несколько шагов по тротуару, чтобы подойти поближе. Присмотревшись, он не поверил своим глазам.

Сергей подошел вплотную и присел рядом с предметом.

Прямо из дорожного полотна выходил на поверхность обломок металлической трубы по размеру поперечного сечения с ладонь и чуть большей высоты. Она оказалась заполненной доверху песком и мелкими камушками – обычным дорожным мусором. Собственно и предмет был обычным, да только местоположение возводило его в совсем иной ранг.

– Сколько же лет ты создавала опасность? – проговорил Сергей беззвучным голосом.

Пока внимание всех остальных людей было приковано к водителю загадочной красной машины, Сергей, понимая, что вновь увидел явление недоступное вниманию других, уже не замечал ничего иного.

Вдруг ему в голову пришла мысль посмотреть на созданный только что рисунок. Не вставая, он достал блокнот. На рисунке присутствовали многие детали перекрестка, даже точки, обозначающие битое стекло, но помеха не была нарисована. Он достал карандаш и подписал свой рисунок – «Зловещий перекресток». Карандаш за день сточился, и линия букв получилась толстой, а сами буквы из-за этого округлыми и на редкость разборчивыми.

В это время внимание окружающих было поглощено светловолосой персоной в песочном костюме – Мариной. Действия же Сергея пока остались никем не замеченными.

– Это призрак! – выкрикнул кто-то.

Тут же по толпе пронесся шепот, посредством которого люди еще не знающие обстоятельств происходящего, сразу окунулись в них сполна. Полотно из досужих домыслов оказалось сплетено всего за несколько секунд.

– Это же призрак! Призрак девушки, которая разбилась здесь, – вполголоса тараторили одни очевидцы.

– Боже свят! Её дух сегодня уже второй раз появляется, – вторили им другие.

Шум на пересечении улиц Ударников и Советской достиг своей предельной точки для этого дня.

Марина оказалась шокирована ситуацией и не могла выговорить ни слова. Она прошла вперед несколько шагов и остановилась, сильно сжав кулаки, насколько это позволил маникюр.

Светло-карие глаза Марины были широко открыты. Тут она заметила разбитую Тойоту, краснеющую за спинами людей. Она вдруг поняла, что машина ей знакома, тем более, что сочетание марки и цвета было редким. За какое-то мгновение она представила, что могло произойти с близкими для нее людьми, и сразу побежала по направлению к искореженной машине, стоящей на газоне.

– Да, о чем вы говорите! Это же сестры! – что есть мочи закричала она, остановившись в паре шагов перед бывшим автомобилем.

Крик – совершенной для всех – незнакомки моментально погасил все разговоры вокруг и вернул её из призраков в разряд обычных людей.

Народ сразу начал выходить из ступора. Кто-то из женщин подошел к Марине, взял за плечо и попытался успокоить. Многие другие люди, стесняясь смотреть на чужие слезы, стали расходиться по своим делам.

– Сестренки, – закрыв лицо ладонями, навзрыд плакала Марина.

– Они же близнецы! Как мне это сразу не пришло в голову! – почти вслух подумал Алексей.

Тем временем голова у Сергея наконец-то начала соображать. Он попытался понять, почему помеха оказалась не видна сразу.

– Она находится в тени. Её цвет синеватый, свинцовый, а это близко к цвету асфальта, – анализировал он.

Правда у Сергея не было ответа на главный вопрос – почему этот объект никем не замечен и всё еще здесь?

* * *

Два человека, не осознавая того, были близки к тому, чтобы их мировоззрения обогатились. Подчас самые удивительные взаимодействия выглядят весьма прозаично.

Алексей, наконец, перестал видеть только водителя злосчастной машины и осмотрелся по сторонам. Тут он заметил странную фигуру. Вокруг было беспокойно: несколько человек снимало на мобильные телефоны, кто-то громко говорил, другие бегали с места на место. Этому же человека взгляд опытного оперативника всё равно сразу выделил. Парень присел прямо перед подъехавшей машиной с чем-то белым в руках и смотрел вниз перед собой.

Первым вступил в контакт, конечно, Алексей. Он тихо подошел со спины сидевшего перед красной машиной человека и увидел открытый блокнот с каким-то рисунком. С минуту он пристально наблюдал, скорее с профессиональным вниманием, чем с искренней заинтересованностью.

Подошел черед и Сергея заметить милиционера. Он встал, и хотел было вернуться на тротуар, но не успел.

– Ты, – по-военному отрезал Алексей Степанович, показывая, видимо для внушительности, сразу указательным и средним пальцем в грудь Сергею, – За мной!

И не слушая отговорок, развернулся и направился к дежурной машине. Сергею ничего не оставалось, как последовать за милиционером. Последний на ходу попросил сотрудника патрульной службы воспользоваться их машиной, на что получил приветливый кивок.

Капитан расположился на переднем пассажирском сиденье, Сергею же было отведено место позади.

Не мешкая, Алексей Степанович разложил пустой бланк на верхней поверхности бардачка. Сразу последовал ряд вопросов, типичный при составлении протокола. Сергей отвечал сбивчиво на простейшие вопросы. Вдруг Алексей прервал сам себя, о чем-то вспомнив.

– Дай-ка сюда блокнот.

Сергей, торопясь, с трудом вытащил цепляющийся за карман блокнот и протянул перед собой.

– Зловещий перекресток, – без выражения прочитал начальник, открыв последние заполненные страницы.

– Я просто присел на скамейку зарисовать улицу. Когда же подъехала красная машина, я увидел, – тут он остановился, в волнении подбирая слова, – Неприкасаемую помеху.

– Какую еще помеху?

– Трубу.

Алексей Степанович пристально посмотрел с зеркала заднего вида. Сергей больше ничего не пытался произнести и капитан решил, что лучше ближе к допросу сформулирует и подготовит вопросы. Пока что он не мог взять в толк, о какой трубе говорит парнишка.

– Это, – Алексей поднял руку с блокнотом и констатировал, – Останется у нас.

Сергей горестно посмотрел на дорогу для него вещь, попавшую в чужие руки.

– Так, – скупом вымолвил Алексей Степанович, водя шариковой ручкой над почти заполненным протоколом, – Место рождения?

– Я точно не помню, – голос Сергея дрожал, – То ли в городе мама родила, то ли в районный роддом её отвезли...

– Дурака из себя строишь? – грозно процедил капитан.

Сергей, отвечая на анкетные вопросы, до того смотрел куда-то на плечо капитана, и только сейчас заметил, как острый взгляд пронзает его через зеркало заднего вида.

– Я, – начал заикаться Сергей, опустив глаза перед грозным, висящим над лобовым стеклом взглядом, – Я не помню.

– Ты точно в институте учишься? У тебя с головой-то всё в порядке? – задал риторический вопрос Алексей Степанович и сразу добавил более официальным тоном, – Так, всё ясно. Распишись здесь. Пока свободен. Повестку на допрос получишь на днях.

От машины Сергей уходил как на ватных ногах. Он знал, что не совершил ничего предосудительного или противозаконного. Однако он насторожено относился к людям в форме.

Отец Сергея в свою бытность окончил срочную, двухлетнюю службу в Советской армии в звании старшего сержанта, затем остался в воинской части по контракту на должности прапорщика. Впоследствии он вернулся к гражданской жизни, однако оставшиеся со времен службы привычки и манеры строго и отрывисто держаться с людьми он перенес и на отношение к детям. Сдержанность и не проявление чувств отца не добавили Сергею доверительного отношения к людям в погонах.

Следом из автомобиля вышел и Алексей Степанович. Окинув взглядом перекресток, он с удовлетворением отметил, что порядок начал возвращаться на вверенной ему территории. Регулировщик восстанавливал движение. Люди ушли с проезжей части. Эвакуатор подбирался к стоящей у дерева разбитой автомашине. Подошел лейтенант.

– Товарищ капитан, гражданку я уже опросил, – деловито начал Васильев, но сразу вернулся к привычному для него тону, – Может теперь в столовку? Пока время свободное. А-то еще рапорт писать. Гайцы⁵ тут сами закончат.

– Успеется. Пойдем со мной.

Алексей с лейтенантом подошли к неприкасаемой помехе.

– Видишь? Похоже, из-за нее всё и случилось.

Васильев посмотрел на часть трубы, торчащей из асфальта.

– Н-да. Похоже, при последнем ремонте дорожники напортачили, – без раздумья выпалил он.

– При каком «последнем»? – недовольно возразил Алексей Степанович. Борясь с осенней усталостью, он, тем не менее, заставлял себя разобраться в расследуемых происшествиях, – Посмотри – асфальт старый, даже заплаток нет. Первый и был последним.

– Черт знает что, – поморщился лейтенант, – Пойдем лучше в столовку.

В этот момент за их спинами запиликал сигнал. Отъезжал эвакуатор, неся на себе искореженный красный автомобиль.

* * *

Поздним вечером Сергей наконец-то добрался до дома.

– О, вот и мой сынок! Где так задержался-то? – встретила его в прихожей мама.

– Долго рассказывать. Потом, – усмехнулся Сергей и начал устало разуваться.

Связно рассказать о произошедших событиях не представлялось возможным, пока во всяком случае.

– Сережа, ты сахар-то купил? – раздался мамин голос уже с кухни, – А то отец уже изворчался.

– Тьфу ты! Совсем из головы вылетело, – раздосадовано выругался Сергей и добавил почти мученическим голосом, – Сбегать в «круглосуточный»?

– Не надо, уже поздно сегодня. Иди лучше ужинай, поди, голодный, как собака.

Правду говорят, что мамы, как ни кто другой, умеют угадывать истинные желания своих детей.

⁵ Имеются в виду сотрудники ГИБДД.

Глава 3. Три гибели

*Не та вода хороша, что «правильная»,
а та, что утоляет жажду.*

А. Н. Миль

В назначенный день Сергей вылез из автобуса, сверился в последний раз с текстом на повестке, оглянулся по сторонам и спешно зашагал в сторону нужного адреса. Приехал он чуть раньше положенного времени, не в пример своим привычкам. Хоть беспокоиться, как он успокаивал себя, было не о чем, спал он откровенно сказать плохо и даже его привычных снов-ведений за всю ночь так и не последовало. С момента странного происшествия на перекрестке прошло шесть дней, и всё это время он чувствовал беспокойство. Так что, в какой-то степени, сегодня он с радостью отправился в милицию.

Уже минут через десять он подошел к пешеходному переходу на нужной улице.

– Есть время? – спросил он у стоявшего близ него приземистого мужчины.

– Нет, ничего у меня нет, – нервно пробормотал тот и тут же, развернувшись, поспешил удалиться.

– Ерунда какая-то, – удивленно отметил про себя Сергей.

Но особо раздумывать было некогда – загорелся зеленый. Он перешел со всеми улицю и – уже один – направился к отдельно стоящему невдалеке серому зданию, предположительно, цели сегодняшней невесёлой поездки.

Табличка у самого входа подсказывала, что он не ошибся. Мандраж усиливался с каждой ступенькой крыльца. Наконец на входе, возле помещения охраны, он окончательно замешкался и едва смог объяснить, зачем и к кому он собственно пожаловал. Мельком взглянув на измятую повестку, сидевший за дежурным стеклом мужчина набрал местный номер и коротко с кем-то переговорил, попутно закатив глаза к потолку с, казалось, уставшим и не добрым выражением лица.

– А, это по твоему дельцу о трех смертях, – лицо говорящего охранника чуть повеселело, – Ха-ха, ясно.

Сергей остался шокированным услышанным.

– Слов нет! Вот это цинизм, – подумал он.

– Сядь туда, – отрезал охранник, кладя трубку и отнюдь не удосужившись показать куда именно.

– Туда? – уточнил Сергей, неловко указывая на ряд, соединенных между собой, откидных жестких стульев еще советского образца, стоявших поодаль в коридоре справа.

– Ну, что непонятного, а? – кажется, мужчина уже начинал терять терпение.

Сергей благоразумно предпочел дальше разговор не развивать, прошел через ограждение и присел на ближний стул.

Сидя без дела и не имея возможности занять мозг чем-то путным, ему оставалось лишь развлекаться древней мужской забавой – разглядывать удаляющиеся женские фигуры. Кстати столь же древней является и другая хитрость – пропускать женщину вперед, чтобы лучше её рассмотреть. Однако женщины по коридору проходили редко. Мысли Сергея стали принимать печальный оборот.

– Охранник упомянул про три гибели, значит кто-то всё же погиб на зловещем перекрестке. Кто? Три машины – три водителя. При этом последней девушке повезло, насколько я помню, она не пострадала. Хотя если вспомнить, как она плакала и кричала что-то про сестер – не скажешь, что повезло. Неужели они, – он даже в уме не захотел заканчивать фразу, – Как

так? Им ведь еще жить, да жить. Бестактность же милиции поражает! Лучше бы помехой занялись, чтобы избежать новых жертв.

Сергей, глубоко задумавшись, опустил глаза и поджал губы.

В коридорах милицейского участка – по крайней мере, в этом, правом – висел запах напряженности, вязким своим сплетением обаянный, пожалуй, кипучей активности людей, заполняющих его объемы круглыми сутками, год за годом. Представить только: агрессивная энергия, должно быть, полностью не выветривалась из тёмных кулуаров здания не на день. Подтверждением тому для Сергея являлись мурашки: вокруг ничего не происходило, но они упорно продолжали бегать по спине.

Наряду с интуицией они существуют как еще одна возможность предопределения происшествий, звоночек, дающий преимущество в удачном исходе даже не начавшегося события. Отличия в направленности: интуитивные волны нацелены на будущее, а физическая дрожь – в прошлое. Вот только многими ли возможностями, данными от природы, мы пользуемся?

– Эй, чувствуешь? Здесь происходило нечто не приятное, – рапортуют мураши, – Сконцентрируйся!

Но кто будет в нашем цивилизованном двадцать первом веке прислушиваться к реакциям кожи? Уж не принимать ли нам решения по старинке, отбросив своды законов, культурные традиции и научные подходы?

Меж тем мурашки не желали подчиниться сознанию Сергея. Они, верно, реагировали на нечто иное, нежели полупустой, безмолвный коридор. Почему не на энергетику, впитавшуюся в стены: злость и ненависть задержанных преступников, нервозность в суровых юридических поступках, агрессию круглогодично пререкающихся людей. Ведь морозильная камера для хранения мяса не теряет запах замерзшей крови, даже если мяса там временно нет.

Сергей поморщился.

– Так, надо определенно прекращать нагонять на себя негатив.

Меж тем помощь от принимающейся хандры была уже близка. О чем возвестили, судя по звуку приближающиеся, такты каблучков.

– Так-так, что у нас в этот раз, – вновь повел внутренний диалог Сергей, – Спереди совсем даже ничего...

Но Сергей не успел до конца оценить фигуру незнакомки, появившейся из глубин полутемного коридора, так как она неожиданно остановилась рядом. Он поднял глаза.

– Что-то знакомое, – обратил внимание теперь уже на лицо Сергей, – Неужели это женщина с того самого авто! Или нет?

Марина, наконец, смогла свернуть бумаги по размеру её сумочки и, выдохнув, присела на средний стул. Сергей искоса посмотрел на свою соседку. Она казалась напряженной и усталой, при этом её светлые волосы были аккуратно собраны. Весь её вид говорил о желании выглядеть хорошо даже в такое тяжелое для нее время. Сергей сразу ощутил влечение к этой ухоженной незнакомой женщине.

– Ага! Еще один фигурант объявился, – неожиданно над самым ухом Сергея произнес уже знакомый голос, – Что-то рановато.

В умении подкрадываться, капитану нельзя было отказать.

Сергей так увлекся романтическими мыслями, что даже не заметил приближения отнюдь не легкой поступи Алексея Степановича.

– Марина Витальевна, – продолжил Алексей уже с официальной интонацией, – Вот вам еще копии выписок. Всё, не смею вас больше задерживать.

Марина кивнула и вновь начала борьбу между очередной порцией документов и размером своей сумочки.

– Через пять минут в семнадцатый кабинет, – сухо отчеканил Алексей, смотря сверху вниз на Сергея, и удалился.

В коридоре их теперь осталось двое.

– Да точно она – тот самый водитель-призрак с перекрестка, – наконец сообразил он.

В груди у Сергея застучало. Минуты эмоциональных переживаний часто подвигают даже робких людей делать шаг вперед.

– Пять минут до неизвестности, – продолжил Сергей драматические размышления, – Пять минут на то, чтобы завязать разговор с незнакомкой или его не завязывать. Еще утверждают, что время течет равномерно. Как много вчера его было! На что оно ушло? Даже не вспомнить. Теперь же только пять минут. И с каждой секундой чувствую, как они уменьшаются!

– Вас, – начал он, запинаясь, – Вас ведь Марина зовут?

– Да, – отозвалась Марина.

– Знаете, я видел вас в четверг на том перекрестке, – на одном дыхании произнес Сергей. Соседка Сергея никак не отреагировала.

– Хотел принести соболезнования по поводу случившегося и, в особенности, по поводу ваших родственниц, – со скорбным лицом пояснил он.

– Моих родственниц? – с непониманием в голосе отозвалась Марина.

Такое же непонимание тотчас же отразилось на лице Сергея – его удивлению, кажется, не было предела.

– Девушки, которые вели, попавшие в аварии, машины. Я сам слышал, как вы тогда назвали их сестренками, – скорее сам для себя, чем для Марины, попытался растолковать он.

– Правильно. Они и есть – сестренки. Я же только их подруга.

– Ах, вот оно что!

Произошедшие события в глазах Сергея постепенно начали лишаться необъяснимых свойств и стали принимать будничную окраску.

– Кстати им лучше, завтра выписывают, – изобразив подобие улыбки, сказала она.

– Так они живы? – вновь опешил Сергей, – Невероятно!

– Да, мои подруги, слава Богу, живы. Более того – теперь они уже здоровы.

– Прекрасная новость! – взволновано выпалил Сергей, – Простите меня за ту чушь, которую я вам наговорил. Я рад, что всё обошлось! Меня с толку сбил охранник, сказавший о трех гибелях в этом деле. Кто же тогда погиб?

Поняв, что собеседник и правда переживает, Марина вновь улыбнулась.

– Марго трех хомячков держала, – после короткой паузы, пояснила она, – Они были в клетке, в её машине. Задавило их. Вот.

У Сергея отлегло от сердца. Он никому не желал смерти, но гибель грызунов выглядела гораздо менее печальной альтернативой человеческим смертям.

– Марго?

– Маргарита, по паспорту.

– Теперь понятно, – с видимым облегчением выдохнул он. – Я так рад, что всё хорошо закончилось.

– Уж как я рада. Правда, руки до сих пор трясутся, – она вытянула вперед и правда чуть подрагивающую руку.

– Это пройдет.

Настала неловкая минута молчания, усиленная неприятной обстановкой коридора. Недавние печальные события выступали чересчур мрачным посредником между двумя совершенно незнакомыми до того людьми.

Сергей, через минуту закончив раздумья, провел тыльной стороной пальцев по своей побритой щеке.

– Можно я пошучу? Возможно, что не удачно, – нарушил молчание он.

Марина посмотрела на него вопросительно.

– Раз хомяк, два хомяк. Я сверху прыг – еще хомяк!

Они синхронно улыбнулись.

– Вы забавный. Вас-то за что забрали? – как показалось Сергею, участливо и с интересом спросила она.

– За любознательность. На перекрестке нужно было видеть то, что и все остальные, а увидел чуть больше, – Сергей ухмыльнулся, но сразу вновь стал серьезным, – Зато кто-то поверил, что перед ними предстал водитель-призрак. Другие зеваки поразились таинственной идентичности вас троих. Теперь выясняется, что и то, и другое – это заблуждения. Странность же в том, что с пристрастием опрашивают именно меня, потому что обратил внимание на трубу посередине дороги, которая и правда там есть. Безумие, правда?

В светло-карих глазах Марины зажглась искорка любопытства. Она решила продолжить разговор.

– Не говорите, прямо наваждение какое-то получилось, – то ли виновато, то ли рассержено начала свой рассказ Марина, – Понимаете, Марго и Милка – близняшки. Я с детства с ними дружу. Это наша старая игра: чтобы стать похожей на них, я делаю такую же прическу, а одежда и макияж довершают перевоплощение. Ах, да! Еще каблук нужной высоты. И мы выйдем тройняшками! Правда, чтобы ввести в заблуждение мужчин, принимающих нас троих за сестер, многого не нужно, даже каблуки не нужны. Мужчины вообще мало что замечают по жизни. Вы не согласны?

– Некоторые мужчины всё же наблюдательны, – защищая всех мужчин и себя лично, запротестовал Сергей, едва сдержавшись от рассказа о собственном видении мира, – Взять тот же перекресток! Обычный день, обычное место. Вы трое проезжали его отдельно, а народ всё же заметил, как похожи вы и ваши машины. Мужчин среди заметивших было никак не меньше, чем женщин.

Предвкушая эффект от следующей своей фразы Марина расправила плечи, выдержала секундную паузу, внимательно посмотрела на собеседника и лишь затем парировала.

– У меня с девочками разные машины, – победным голосом сообщила Марина.

Бровь Сергея невольно приподнялась. День вновь оказывался полным открытий.

– У сестренки и впрямь одинаковые – подарок их отца и дяди. Моя машинка – тоже Тойота, но модель и оттенок цвета другие! Как я уже сказала – кто хочет видеть в нас троих схожесть – видит именно её.

– Значит никакой мистики? – раздосадовано сказал Сергей.

– Только реальность, – повела плечом Марина.

– Реальная мистика, – резюмировал Сергей.

Лаконичность неожиданно возникшей фразы сразу понравилась Сергею. Когда он её произнес, то сразу ощутил её объем, смысловую глубину. Увлечшись новой мыслью, он даже позабыл о рядом сидящей женщине.

Марина переложила дамскую сумку с соседнего стула на колени.

– Неуютно здесь, правда? На воздух хочу, – произнесла она, но осталась сидеть.

У Сергея вновь застучало сердце. Интерес к загадкам реальности снова уступил молодежному влечению. Сейчас стоило бы предложить собеседнице чуть позже продолжить разговор в более спокойной обстановке. Однако Сергей продолжал смущенно молчать: то ли желание познакомиться поближе было не достаточно сильным, то ли времени на подбор правильных слов не оставалось.

– Она ведь сейчас уйдет, – мелькнуло в его голове. – Возможно ли попросить у такой взрослой, шикарной девушки её адрес или телефон? Не возможно!

Нужно отметить, что Сергей неосознанно выбирал в объекты обожания женщин, которые с большой долей вероятности ему бы отказали в близких отношениях. Такая особенность его выбора проявлялась столь планомерно, что оставляла ощущение скрытого мотива. Тако-

вой действительно существовал. Вероятный отказ становился в его фантазии отказом случившимся, а раз так, то и тратить время на знакомство и ухаживания было незачем.

– Кое-кому нужно особое приглашение? – послышался зычный голос из глубины коридора.

Прошло уже явно больше пяти положенных минут, и педантичность Алексея Степановича дала о себе знать.

Момент был явно упущен для обоих. Нельзя сказать, что Марина столь же сильно оказалась очарованной Сергеем, но его речи о событиях на перекрестке в сочетании с детской манерой изъясняться зародили в ней интерес. Теперь же интерес этот оказывался не удовлетворенным.

– Извините, мне нужно идти, – печально произнес Сергей и поднялся. – До свидания.

Марина ничего не ответила, но вид у нее был такой, словно предложенную конфетку лишь показали, а затем снова спрятали в карман.

В конце коридора, на месте предполагаемого кабинета номер семнадцать, Сергей нашел приоткрытую на треть дверь. Для того чтобы убедиться, что кабинет тот самый, ему пришлось пройти мимо и взглянуть на дверную табличку.

– Куда он пошел? Черт знает что! – послышалась из кабинета ругань, – Сергей Вячеславович, вы соизволите или нет явиться на допрос?!

Уже сидя внутри, на ужасно не удобном стуле, Сергей оценил окружающую обстановку комнаты. Суровость помещения обнаруживалась из наличия лишь казенных вещей и их малого количества. При обустройстве кабинета, очевидно, руководствовались необходимым и достаточным принципом: здесь как в полупустой темнице присутствовали лишь орудия для вполне определенных целей. Личной вещью на столе капитана можно было назвать только кружку. Крутить головой и осматривать другие столы Сергей не осмелился.

– Итак, вернемся к прошлому четвергу, – произнес Алексей Степанович, выступая орудием добычи показаний, – Что ты делал на перекрестке?

– Я просто гулял...

– Просто ударил, просто угнал, – безэмоционально продолжил капитан, – Твои речи ничем не отличаются от речей прочих.

Сутулая фигура, раскладывающая пасьянс, громко и довольно фыркнула себе под нос.

– Вы со мной так, как будто я преступник! – попробовал обидеться Сергей.

– Запомни, правосудие карает не просто преступников. Люди часто живут на грани преступления закона, – Алексей сделал паузу, чтобы Сергей прочувствовал глубину его мысли. Затем продолжил, – Оно карает тех, кто уж совсем явно не смог сдержать свои преступные наклонности. Наклонности же есть у всех! И при определенных обстоятельствах привлечь за них можно каждого. Абсолютно всех, слышишь?

До сих пор Сергей не сталкивался с машиной правосудия, поэтому ему нечего было возразить. Зато ему вдруг вспомнились мимолетные признания с виду нежных и милых девушек в том, что они любят смотреть на кровь.

Видя, что его умные речи только вводят в ступор свидетеля, Алексей решил надавить сильнее.

– Эй, я здесь для того, чтобы слушать, – сказал Алексей, медленно встав со своего места, обойдя вокруг и усаживаясь на край стола прямо перед свидетелем, – А ты – чтобы говорить. Ясно? Давай выкладывай.

Теперь он словно нависал над Сергеем, психологически оказывая давление. Ясно, что подобный прием был отработан не на одном десятке гостей семнадцатой комнаты.

– Уф, дело было так, – сосредоточено начал Сергей, – Шел я с занятий. Увидел толпу. Сама разбитая машина меня не заинтересовала, но детали...

– Авария – это трагедия, пострадавшие! Какой интерес? Какие детали?

– Да, не думал я о пострадавших! О других деталях говорю, – непривычно для себя жестко ответил Сергей. Он, было, испугался реакции сотрудников милиции, но с их стороны не послышалось ни звука. Капитан продолжал разглядывать его лицо.

– Я понимаю, вы по долгу службы так рассуждаете, – уже на тон ниже продолжил Сергей, – Авария – это кровавое зрелище. Люди вокруг – зеваки или, как это правильно сказать, да, причастны. Но всё сложнее и событие интереснее, ведь в нем: люди, автомобили, дорога, труба, в конце концов.

– Да, трубу мы обнаружили.

– Весь вопрос в том, обнаружил бы, наконец, её кто-нибудь, если бы эти странные аварии в четверг не случились?

– Ты нам скажи.

– У меня нет ответа. Всё, что могу – записать мысль и вопрос в блокнот, – Сергей непроизвольно оглядел столы и вдруг увидел лежащий на соседнем столе знакомый блокнот.

Капитан молчал, и Сергей, вдруг вспомнив студенческие дискуссии прошлого семестра, решил добавить.

– Понимаете, нас на кафедре психологии тоже учат рассматривать поступок человека как продукт его личности, неотделимый от него самого. Я не до конца согласен. Когда поступок уже совершен, он может оказаться олицетворен в предмете. Сам человек может быть очень далеко или даже умереть к тому времени, когда предмет проявит заложенную в него энергию. Так неужели здесь можно говорить только об активной роли человека? В споре с преподавателем, я отвечал – нет. Нельзя забывать и о самих предметах, – закончил Сергей и почувствовал, что вспотел от непростого диалога.

Алексей не силился понять всё сказанное, но решил, что пора согласиться со свидетелем. Накануне он пролистал блокнот, полученный у свидетеля на перекрестке в ходе предварительного допроса. Содержание записей несколько смутило Алексея. Странноватые идеи переплетались с реально существующими вещами и событиями, а нетипичные описания дополняли обыденную жизнь известных городских мест. Что-то было явно не так с головой у сидящего перед ним паренька, однако диагнозы – дело докторов. Его же, Алексея, дело – поставить точку в расследовании.

– Хорошо, предположим, тебя не кровь привлекла в авариях. Похвально, – произнес Алексей с лояльностью больше достойной должности дипломата, – Но на кой черт тебе сдалась эта труба?

– А чем мой взгляд хуже вашего? Вас на перекрестке интересовали люди, меня – предметы. Если бы другие люди больше своего внимания отдавали вещам, то давно бы заметили трубу, и на перекрестке ничего бы не случилось. А так она неприкасаемая какая-то получилась.

Для Алексея еще вчера оставался откровением такой взгляд на суть вещей, но он все последние дни примерял на себя эту странную точку зрения. Сегодняшняя встреча со свидетелем произошедшего события являлась контрольной. Нужно двигаться дальше, а для этого придется перестать считать бредовой идею о собственной жизни вещей, её нулевой важности при анализе происшествий. Наконец, смириться с отсутствием виновных в длительном нахождении постороннего предмета на проезжей части соседнего перекрестка.

Другой среднестатистический сотрудник на его месте так далеко не зашел бы в анализе дела «о трех гибелях». Однако у Алексея с детства присутствовало замечательное качество – быстро обучаться. Вот и в правоохранительные органы он фактически попал по этой причине. Попав в армию после училища в девятнадцать лет, он легко обучился: обращаться с оружием, подчиняться приказам, а затем и отдавать их, анализировать действия условного противника и прочим военным премудростям. Узнав об отличных характеристиках с места службы, военкомы по возвращению сосватали его в милицию. Если бы вместо армии он показал свою обучаемость в институте или на заводе – его карьера, возможно, пошла бы по совсем иному руслу.

Алексей Степанович встал, обошел стол и медленно сел в свое со скрипом трансформирующееся кресло.

Слова свидетеля, конечно, – форменный юношеский бред. Однако, по сути, речь идет о внимательности. Ничего плохого не произойдет, если взять на службу, хоть и странный, но приносящий пользу метод.

В этот момент точка иного осознания действительности оказалась для Алексея пройденной. Когда он поднял глаза, его взгляд отныне обогатился равным вниманием: к людям и к вещам.

Пришло время вернуться к формальностям.

– Продолжим. Отношение к наркотикам? – задал очередной вопрос капитан.

– Отрицательное, – ответил Сергей с лицом человека только что обвиненного во всех грехах человечества.

– Сугубо отрицательное, – не отстал Алексей, используя одну из допросных шуток, почти всегда вводившую людей в ступор, – Или не сугубо?

– Чего?

– Отвечай на поставленный вопрос.

– Как тут ответишь-то? Сугубо, наверное.

Да, версия с изменяющими сознание средствами или алкоголем тоже не выдерживает никакой критики. Просто у парня есть идея-фикс. Что тут попишешь?

Алексей был не прочь продолжить завязывающееся общение о жизни, однако обстоятельства не располагали к этому. Вызывать Сергея еще раз он достаточных оснований не имел, впрочем, пара козырей еще осталась в рукаве милицейского пиджака. Алексей открыл средний ящик стола и достал чистый форменный бланк.

– Отправим тебя к психологу, – озвучил Алексей, бегло заполняя бланк, – За экспертным заключением. Исходя из заключения, ты либо свободен, либо поставят на учет.

– Я сам на психолога учусь, – возмутился безропотный до того Сергей.

Алексей, удовлетворенный тем, что, наконец, смог задеть за живое собеседника, замолчал на пару секунд.

– Гражданка Меркулова, женщина, которую ты видел в коридоре, тоже могла пострадать в тот день. Её подруги в больнице, а ты, не думая о людях, разглаговльствуешь о какой-то трубе! По-твоему это нормально?

Сергей задумался. Его так захватила погоня за интригующими сторонами действительности, что о людях, заполняющих эту действительность, он и думать забыл.

– Вы правы, – смиренно согласился Сергей.

Он опустил взгляд на стекло, лежащее поверх стола и начал разглядывать трещины на нем. Мысль, что Марине – этой молодой и привлекательной женщине – как и её подругам, действительно угрожала опасность, освежила взгляд Сергея на происходящее. На какой-то миг он забыл, что перед ним человек при погонах и необщительность отошла на второй план, позволив просто озвучить вопрос, вертящийся на языке.

– Как вы думаете, как получилось, что помеха столько времени находится на дороге?

От столь прямого вопроса нельзя было уклониться, без риска показаться некомпетентным. Алексею пришлось ответить.

– Мало ли ошибок допускается при строительстве, – сходу сказал он и сразу поморщился, поняв, что повторил недавние слова лейтенанта Васильева. Однако мысль требовала себя закончить. – Наверное, объект был принят спустя рукава, как и всё в этой стране.

Сергей молчал и по-прежнему смотрел на Алексея. Он задал вопрос «почему так долго» и не услышал ответ. Лодка межличностных ролей неожиданно качнулась в другую сторону. Алексей почувствовал жгучую необходимость ответить вопрошающему свидетелю. К тому же

в кабинете находился еще и подчиненный – ударить в грязь лицом Алексею уж точно не хотелось. Он, что есть силы, напряг ум.

– Умысел, – произнесли его губы раньше, чем мысль смогла оформиться окончательно, – Преступная халатность. Как я уже сказал, людские поступки – сплошное преступление. Некто специально поместил на дорогу объект, чтобы однажды мы вот так разбирали трагичные последствия поступка.

Такой ответ понравился даже самому Алексею. Истинность высказанного предположения трудно было поставить под сомнение.

– На перекрестке ничего не происходило, вот это место и не попадало в поле зрения государственных служб, – добавил он заготовленную фразу уже со своей уверенной интонацией.

Сказанное Алексеем являлось неправдой.

Во время поездки в конце прошлой недели в дом отца он почти постоянно думал о перекрестке. На второй день, сидя после бани во дворе и наблюдая за расхаживающими вдоль ограды курами, он вдруг вспомнил, что пару месяцев назад в рапортах уже засветился инцидент, произошедший на этом перекрестке. И в начале лета – тоже. Обстоятельств припоминалось мало. Первый случай произошел с мотоциклистом, который, не превышая разрешенную скорость, тем не менее, умудрился вылететь из седла и попасть под машину. Почему он вылетел, никого особо не интересовало, всем оказалось важнее, что автомашина совершила наезд на человека в тот момент оказавшегося беспомощным. Подробностей второго инцидента он и вовсе припомнить не мог. Теперь Алексей подозревал, что как раз труба-невидимка могла сыграть с мотоциклистом злую шутку.

По возвращении в город, в ночь перед дежурством Алексею даже приснился кошмар. Он стоит на перекрестке и подает в Скорую женские туфли, но не успевает машина уехать, как оказывается, что есть еще одна пострадавшая и уже новая медицинская машина забирает светловолосую женщину и он вновь спешит положить упавшие с нее туфли, пока не захлопнулась дверь. И так до бесконечности, пока он не дернулся во сне и не сбил будильник с тумбочки на пол, от чего проснулся сам и разбудил жену.

Выйдя на работу, он с самого утра написал и отправил запрос дорожникам, запросив сводки происшествий за год на его участке. Не далее как вчера на его запрос ответили, что за текущий год уже зафиксировано целых восемь эпизодов автотранспортных происшествий в районе пересечения улиц Ударников и Советской. Ниже значилось, что за предыдущие периоды также имеется объемистая информация, и она может быть предоставлена по отдельному запросу.

Он предпочел скрыть столь обескураживающие факты от парня, которому и так не нужно было бы знать столько информации о делах на его – Алексея – участке.

Алексей впервые думал о неживом предмете, как об источнике, субъекте преступления. Такому в школе милиции не учили. В них воспитывали реакцию на внимание к людям, к которым нужно было наклеить правильный ярлык: подозреваемый, потерпевший, свидетель. Затем, в ходе следственных действий, вина, ущерб и обстоятельства произошедшего прояснялись. В итоге виновный наказывался, убытки возмещались, чем инцидент и исчерпывался. Здесь же событие не являлась завершенным, если причиной последнего происшествия с сестрами действительно являлась не ошибка водителя, а посторонний предмет, и по сей день, находящийся на своем укромном месте.

Он даже боялся озвучивать свои догадки. Интересно, как бы отреагировал Константин Петрович на предложение назначить виновным за происшествие старую металлическую трубу или строителя, лет пятнадцать назад совершившего роковой поступок. Больше же всего обескураживал другой факт. Если человек или асфальто-укладочная машина когда-то совершили ошибку, то почему никакой другой человек эту ошибку так и не исправил?

На самом деле посылать подозреваемого на психологическое освидетельствование не являлось обязательной практикой. Просто Алексей не знал: как относиться к словам странного свидетеля? В сложившейся ситуации получить экспертную оценку его психического состояния было бы полезно.

Неофициальный рапорт в устной форме своему начальнику, Константину Петровичу, он представил еще в тот же вечер. Официальный рапорт, с просьбой инициировать присвоение участку дороги на пересечении двух злосчастных улиц статуса «Опасный участок», он подал в понедельник. Также Алексей запланировал написать петицию в Комитет дорожного хозяйства с просьбой: «устранить помеху движению в виде постороннего предмета». Причину и обстоятельства, естественно, пришлось сформулировать обтекаемо, без домыслов Алексея.

С прошлой недели Алексей никак не мог сосредоточиться на других делах. Пора было ставить точку в расследовании, но профессиональный долг требовал добиться предельного понимания произошедшего. Непричастность Сергея оказывалась очевидной почти сразу, но Алексей решил использовать его показания, чтобы эту точку поставить. Однако только вот сейчас, во время сегодняшней встречи, он вдруг понял, что кроме него и странноватого паренька Сергея до сих пор никому даже дела нет до обнаруженной ими дорожной помехи.

Преломление сознания Алексея имело и асимметричное продолжение в голове теперь уже Сергея. Вспоминая интересующие его детали, он не мог не отметить, что поведение людей на перекрестке действительно зарождает в нем любопытство не меньшее, чем труба-невидимка. Однако пропагандируемая милиционером выборочность в эмоциональных реакциях на аварии отзывалась в нем неприятием.

– Нужно обращать внимание только на то, что правильно. Что за бред? Общество и таким образом навязывает несвободу? – внутренне негодовал он.

Сергей вдруг почувствовал, что капитан – человек с погонами – не представляет собой такой уж монолит. Сергей твердо спросил, и капитану милиции пришлось держать ответ. Аргументированных возражений его идеям о вещах также не было озвучено.

Тем временем Алексей вышел из глубокого раздумья.

Он задал еще пару странных вопросов о семье Сергея. В хороших ли он отношениях со своими бабушками. О том, каких людей он видел на перекрестке.

– Всё. Свободен, – выдохнул Алексей Степанович. Потом кое-что вспомнил, – Вот, можешь забрать свои записки сумасшедшего, если они тебе нужны.

После ухода странного свидетеля Алексей еще с четверть часа сидел почти не подвижно, пристальнее, чем обычно рассматривая обстановку почти родного семнадцатого кабинета. За это время он с удивлением сделал для себя два-три новых наблюдения.

Остаток дня Алексей Степанович провел особо не задумываясь, приводя в порядок документы по двум другим недавно открытым делам.

* * *

После выхода из серого здания душа Сергея наполнилась радостью. Решетки с окон семнадцатого кабинета перестали оставлять на нем тень. Пополняемый с каждым шагом приливами радости, Сергей вдруг осознал собственную свободу.

Решив использовать немного этой, вдруг открывшейся для него субстанции, он отправился не на автовокзал, а прогуляться по всему центру.

Через пару часов вечер вступил в свои права. Сергей, не спеша, шел по одной из центральных улиц, мимо череды кафе и ресторанов. В уме же у него созревали новые образы от созерцания обыденных картин.

– Поздний вечер, – размышлял Сергей, – Иду мимо витрин кафе и ресторанов. Да, да – именно витрин. Обыкновенные окна в этих заведениях постепенно эволюционировали, пре-

вратившись в современные витрины от пола до потолка. Преподносят же на них особый товар – красивую жизнь. Её маленький ломтик.

Пришлось прерваться, чтобы перейти дорогу и обойти звенящий визгом клуб.

– Подходишь, прицениваешься, – продолжал Сергей, – Если хочешь купить себе такую же красивую жизнь на вечер: заходишь, садишься к столику за витринным стеклом, и это уже на тебя косятся сквозь него. Если ты думаешь, что окна до пола позволят тебе изнутри удобно наблюдать за происходящим на улице – это самообман. Яркий свет внутри и сумрак снаружи сделают эту задумку невыполнимой. Странно? Вовсе нет. Просто ты теперь за стеклом обыкновенной витрины, а значит, возможность смотреть изнутри наружу – не нужная возможность.

Блокнот, любовно уложенный в карман ветровки, готовился принять новые, мало разборчивые строчки, зарождающихся в голове Сергея мыслей.

Через десяток метров справа предстала очередная витрина кафе. Еще не дойдя до её начала, Сергей увидел в дальнем от себя углу искорки, бегающие по светло-зеленой блузке. Его взгляд задержался на нарядной девушке, как будто затормозив течение времени.

– Это я-то не интересуюсь людьми? Вот девушка сидит на мягком пуфике-кресле. Одна её нога закинута на другую. Проходя мимо витрины, у меня есть от силы секунды две-три, поэтому я даже не трачу время, чтобы посмотреть на её спутника. Зачем мне он, если она так привлекательна, что не возникает желания отвести от нее взгляд. На столе перед ней стоит как минимум два бокала, тарелки не увидеть. Может быть, это вино и сок, а может коктейль и мороженное. К сожалению, эта подробность навсегда останется загадкой.

Невзрачно одетый парнишка проходит мимо кафе, освещенный яркими лампами заведения. Засунув руки в карманы, он заморожено смотрит внутрь, отражая своими голубыми глазами изумрудные искорки светло-зеленой блузки одной из посетительниц.

– Похоже, что она внимательно слушает собеседника, с полуулыбкой. Право же, да она понравилась мне, раз я столько увидел! Кто она? Что она? Увы, не узнать. Но вот происходит маленькое чудо: как раз в эту секунду её черед говорить и она произносит, – продолжая эту мысль, Сергей смотрел вперед самым пристальным взглядом, на который только был способен, – Я читаю по её губам вслед за ней «бывает». Что это? Легкий отказ? Согласие? Флирт с последующим молчанием? Учтиво поддержанный разговор? Многовато информации для трех секунд жизни. Уф, вот так дела.

Однако несколько шагов, наконец, оказались пройдены – витрина осталась позади. Путь же Сергея в тот вечер пролегал немногим дальше – на автовокзал и домой.

* * *

Белое, шестиэтажное здание с узкими, словно бойницы, окнами располагалось всего в одном квартале от института Сергея. Однако раньше, проходя мимо, он ни разу не задумывался: чем занимаются работающие здесь люди? Только сейчас, изучая перед зданием доски с информацией о разыскиваемых преступниках, он узнал ответ, так и не задавшись вопросом.

Сергей лишь мельком окинул взглядом табличку при входе, так как не очень-то хотел знать подробности о располагающихся в здании государственных структурах. Желание было лишь одно – поскорее закончить с бюрократическими процедурами, закрыв полученное от капитана направление. Протиснувшись между беспрестанно снующими внутрь и наружу людьми, он прочитал дежурному имя психолога со сложенного пополам листка.

– К профессору Николаеву – в четыреста восьмой кабинет, – отчеканил тот.

Лифт не работал, поэтому лестница тоже вся оказалась заполнена людьми. Чем бы они здесь ни занимались, но создавалось ощущение, что работа просто-таки кипела. Впрочем, ни у них одних: обилие строительных материалов, расставленных на лестничных пролетах, и характерные звуки, доносящиеся с каждого из этажей, возвещали и об интенсивных заня-

тиях подсобных рабочих и строителей. Очевидно, что советская размашистая постройка здания позволяла делать ремонт сразу в целом крыле, переселяя часть персонала в обычно пустующие резервные кабинеты. Остальные служащие продолжали трудиться на своих насиженных местах, невзирая на хаос ремонтных работ.

Зайдя в длинный коридор четвертого этажа, Сергей остановился – табличек на большинстве дверей не было. Пришлось с уточняющим вопросом остановить женщину в сером костюме, с кипой желтоватых бумаг в руках.

– Лёня! Это к вам! – прокричала женщина куда-то через плечо.

– Иду, иду, – приглушенно послышалось почти сразу.

Хозяин бархатного голоса появился в коридоре только спустя пятнадцать секунд – мужчина среднего роста около пятидесяти лет. Сергею сразу бросился в глаза – словно нарочито – неряшливый вид психолога. Нет, на нем был пиджак, жилетка и брюки, однако сказать, что они выглядели опрятно и были приемлемо отглажены – значило соврать.

– Вы ко мне? По какому вопросу? – любезно начал диалог профессор.

– Здравствуйте. У меня направление из милиции, – переминаясь с ноги на ногу, ответил Сергей.

– О, тогда пройдите! Только осторожнее – не запачкайтесь в краске, здесь слева.

Зайдя в предложенный ему кабинет, Сергей испытал некоторую разочарованность. Воспитанный на голливудских фильмах и преподаваемой ему в институте теории, он ожидал увидеть у каждой стены книги, перемежающиеся с картинками и иллюстрациями на темы психологии. Помещение же перед ним предстало абсолютно белой, пустой комнатой, неуютной до мурашек. Лишь массивный стол своим тёмным пятном предьявлял права на нахождение в этих просторах.

– Что-то не так? – обошел остановившегося сразу на входе гостя профессор и присел за стол, не сильно-то раскрасив своим тёмно-серым пиджаком и волосами тёмную ауру деревянного массива.

– Разве у вас нет дивана? Ой, я имею в виду эту, как её, кушетку, – произнес Сергей, взглядываясь в почти пустой кабинет.

– Она не обязательно должна быть. В любом случае сейчас всю мебель вынесли – ремонт идет, – развел руками психолог и медленно добавил, – Честно говоря, даже стульев нет. Вам придется постоять.

С лица Сергея можно было прочесть недовольство вперемешку с непониманием, но он предпочел промолчать.

– Давайте знакомиться. В бумаге у вас кажется не расшифровано – меня зовут Леонид Юрьевич, – как-то слишком широко улыбнулся психолог, подавшись всем корпусом вперед.

Сергей польстился на такой жест, успокаивающий его мандраж и тоже в ответ широко улыбнулся, назвав своё имя. Леонид Юрьевич, в свою очередь, сразу же сделал пометку в открытом перед ним журнале.

– Черт, кажется, я уже попался на какую-то уловку, – интерпретировал жест психолога Сергей.

– Поступим так: я задам ряд вопросов, а вы постарайтесь честно ответить, – объявил Леонид Юрьевич, и тут же сбавив тон, добавил, – Видите ли, молодой человек, обычно я пишу экспертизы заочно или же работаю прямо в суде. Ко мне сюда не так часто присылают, поэтому специально под ваш случай мне пришлось объединить вопросники.

Сергей пожал плечами и переступил с ноги на ногу.

– Хорошо. Объясните своими словами смысл поговорки: мал золотник, да дорог, – сразу рубанул с плеча опытный психолог.

Второй раз за неделю, после «сугубо отрицательного отношения», Сергею пришлось поставить под сомнение свои умственные способности. Оказалось, что не так-то просто объяснить всем известную поговорку своими словами.

– Это когда нечто важное с виду не выглядит таковым, – заскрипел мозгами Сергей, – Нет, это когда свойство субъективно преувеличено. Наверное, не так. Когда испытываешь положительные эмоции к золотнику, чем бы он там ни являлся. Или же...

Неожиданно, цепочка мыслей на языке и в голове всё продолжалась и продолжалась.

– Всё ценное обычно мало. Дорог золотник, потому и мал. Например, настоящих друзей всегда по пальцам одной руки можно пересчитать, – зарождались в глубине разума Сергея вопросы и ответы, – Интересно, а что собой представляет этот самый золотник?

– Достаточно, – улыбаясь в бороду, остановил говорящего Леонид Юрьевич и продолжил делать записи на правой странице журнала.

Оказывается, какая идейная глубина существует у такой неказистой поговорки!

– Как у нас с курением? – задал следующий вопрос профессор.

– У меня никогда не возникало желания вдыхать вонючий, дурманящий дым, – гордо, словно выдохнув стих, ответил Сергей.

Тут Леонид Юрьевич прервался, с улыбкой пригладив седоватую взерошенную бороду. Сергей вдруг заметил, что концы пальцев у психолога совсем желтые, прямо пропитанные никотином. Он подумал, что погорячился со столь негативно окрашенной фразой и произвольно повел плечом. Тем временем профессор, похоже, удовлетворился реакцией подопытного и вновь записал что-то в правой части журнала.

Примерно через полчаса, устав стоять на одном месте, отвечать на бесконечную череду странных вопросов, да еще и наблюдать как психолог, нарочито не стесняясь, записывает все невпопад даваемые ответы, Сергей едва сдерживался, чтобы не нагрубить.

– Что написано на дне комода? – задал очередной вопрос психолог.

– Какого еще комода? Что это за вопрос такой? – вконец не выдержал Сергей, – Вы разве не спросите меня по существу о происшествии, из-за которого я здесь?

Леонид Юрьевич сразу отложил ручку и откинулся на спинку стула.

– Ты хочешь об этом поговорить? – спокойно произнес профессор Николаев, – О дорожно-транспортном происшествии?

– Не знаю. Наверное, хочу, раз вы не хотите.

– Я слушаю.

– Хорошо, – попытался сосредоточиться Сергей, – Я записываю в блокнот странности в духе неприкасаемой помехи с перекрестка. И знаете что? У меня уже десяток подобных заметок. Как будто эта мистика и не исключение вовсе, а особый закон. Наверное, думаете, что я не в себе?

– Думаю, да.

Сергей оторопел. Ожидая услышать поддержку, не предполагая натолкнуться на неприятие. Если бы он держал сейчас в руках карандаш или что-то еще – непременно уронил бы. Одновременно Сергей почувствовал и облегчение: высказав сначала капитану, а теперь психологу терзавшие его ум соображения, он выговорился.

– Большинству людей можно приписать то или иное психическое расстройство. Отличие только в степени отклонения: летающие, розовые слоны – одно дело; изложение фактов в эмоциональной интерпретации – совсем другое, – закончил Леонид Юрьевич, указав на край стола, где лежали материалы дела.

Сергей удивился: его, неразговорчивого и рассудительного, чуть ли не впервые назвали эмоциональным. Как ловко психологу удалось вывести его из равновесия!

– Понимаете, профессор...

– Пожалуйста, не называйте меня так, – неожиданно остановил Леонид Юрьевич, – По учёному званию я только доцент. Просто раньше много лет состоял на должности профессора. Люди по старинке меня так называют.

– Вот оно что, – протянул Сергей и сразу сбился с мысли, – Вы читали материалы дела? Труба не показалась вам странной?

– Пойми и освободись от навязчивой идеи: в трубе нет ничего примечательного. Напротив, избирательная работа мозга – удивительна. Мы замечаем только то, что необходимо нам для жизни. Более того, люди изо всех сил стараются замечать как можно меньше. Стараются не вглядываться в тёмные углы квартиры по ночам, чтобы не дай Бог не увидеть домового. Проходя на улице мимо бездомного ребенка, большинство людей делает всё, чтобы не увидеть его слез. Краем глаз мы можем видеть многое, но намеренно не хотим, чтобы не рушить свой мировоззренческий мирок. Итак, про трубу правильнее будет сказать: её наконец-то заметили.

– Ладно, а три странных аварии? – не сдавался Сергей, – Девушки же не в одной машине ехали!

– Да, они ехали в разных автомобилях, и попали в аварию на одном и том же месте. Дело в том, что близнецы иногда могут, не сговариваясь, совершать схожие действия, – авторитетно заключил доцент, – Например, оступиться на одном и том же месте.

– Или наехать на одну и ту же дорожную помеху, – вдруг осенило Сергея.

– Это не исключено, – загадочно сузил глаза Леонид Юрьевич.

– А как же Меркулова Марина? Она ведь оказалась вовсе не третьей сестрой. Как вы объясните её участие в аварии?

– Меркулова, ехавшая на третьей машине? Она не попала в аварию, лишь выбрала тот же, самый очевидный маршрут, где её и встретила толпа. Учись рассуждать здраво – отличать факты от домыслов.

Произнесенные устами учёного, аргументы представлялись обыденными и «железными».

– Смотри, Сергей, есть две основных составляющих события, – продолжил Леонид Юрьевич, – Во-первых, шумиха случилась, потому что в аварию попали близнецы – это объективный факт. Во-вторых, любопытна причина – незамеченный ранее предмет на дороге. Но есть и третий аспект – психологическое событие, объединившее всех участников, оказалось шире самой аварии, позволило некоторым увидеть больше.

– Получается, – закусил от волнения губу Сергей, – Что дорожную помеху не замечали, пока на перекрестке происходили обычные, одиночные аварии. Лишь такой – необычной, с тремя действующими лицами – аварии было суждено привлечь к себе хоть какое-то внимание.

– Правильно. Слушай внимательно: некий предмет на территории дороги обнаружил своё существование в процессе указанного происшествия. В процессе события, понимаешь? – загадочным голосом, формализовал факты Леонид Юрьевич.

– Хорошо, пусть в событии, но ведь труба появилась как из небытия – это ли не мистика, – стоял на антинаучной точке зрения Сергей, – Вот вам приходилось слышать о подобном?

– О предметах, проявляющихся в событиях? Как ни странно, да, приходилось.

– Правда, приходилось? – заинтересовано отозвался Сергей.

– Ох, молодежь! Вечно вам кажется, что вы лично первыми открыли этот мир, – поглаживая бороду, разублаждался Леонид Юрьевич.

– Расскажите?

– Давайте-ка еще раз встретимся, и я вам расскажу, если хотите, – важно произнес Леонид Юрьевич и добавил, – Сейчас я при исполнении.

– Как скажете, – робко согласился Сергей.

– Вот, возьми, – протянул цветной листок для заметок психолог, – Лови меня через недельку по одному из этих телефонов.

После того, как дверь медленно закрылась, Леонид Юрьевич аккуратно сложил все бумаги со стола в свой пухлый, коричневатый портфель. Усмехнувшись себе в бороду, он вырвал правый лист из журнала, на котором красовались лишь каракули, создающие эффект текста, и скомкав выбросил в урну под столом. Экспертиза была проведена успешно и её формулировки уже буквально материализовывались в сознании Леонида, спеша сложиться из фрагментов классических штампов психоанализа. Однако он отогнал чересчур исполнительные, назойливые мысли. Самую интересную часть работы он провел, а браться за формальную часть ему сегодня уже не хотелось.

Затем Леонид проверил в кармане пиджака мундштук и сигареты, с желанием еще раз перед уходом подымить на чёрной лестнице, попутно узнав от коллег последние новости. Наконец, открыв небольшую коморку, он вытащил оттуда два стула и поставил их на свои обычные места – слева и справа от стола.

Глава 4. Пробуждение

Кто захочет, тому ничто не мешает взломать дверь и выйти.

Сенека

Пока Сергей раздумывал, когда лучше позвонить психологу и звонить ли вообще, потребность в решении отпала. Уже на следующей неделе они столкнулись на кафедре.

– Ой, э, – начал вспоминать Сергей имя неопрятного психолога, – Леонид Юрьевич, здравствуйте!

– Ах, это вы, Сергей, здравствуйте-здравствуйте, – приветливо ответил психолог, – Мы ведь планировали побеседовать на недельке? Вы еще не звонили мне?

– Я как раз собирался...

– Вот и хорошо. У вас сегодня еще есть занятия?

– Нет, мне только осталось расписание на завтра переписать и всё.

– Отлично. Тогда подожди меня, пожалуйста, на улице у главного входа. Минут через десять я спущусь. Разумеется, если ты всё еще желаешь пообщаться.

Через двадцать минут, когда Сергей уже успел совершить прощальное рукопожатие почти со всеми знакомыми однокурсниками и стоял у цветочных клумб среди курящих ребят с других курсов, вышел Леонид Юрьевич.

– Сергей, предлагаю найти на аллее свободную скамейку.

Когда удалось пройти достаточно далеко от учебных корпусов университета, чтобы стали попадаться свободные от студентов скамьи, они, наконец, смогли удобно расположиться.

– Видишь ли, в молодости я заканчивал аспирантуру в северной столице, – повел рассказ психолог. – Ты о Питере что-нибудь знаешь?

– Не особо. Город на Неве, – проведя рукой по небритому подбородку, ответил Сергей.

– Да уж, исчерпывающее описание, – улыбнулся Леонид Юрьевич, но сделав скидку на возраст Сергея, продолжил вновь серьезным, дружественным тоном. – В Санкт-Петербурге мне довелось около года заниматься в Институте прикладной психологии. Скорее для саморазвития, чем для академической учебы. Времена были интересные: что мы там только не творили, чтобы всколыхнуть чувства и эмоции друг друга! А после все вместе анализировали реакции.

Леонид Юрьевич на полминуты погрузился в воспоминания. Пока он, молча, смотрел куда-то вдоль аллеи, его седоватая борода улыбалась. Сергей подумал: интересно, он понимает, что я чувствую себя глупо, пока он вот так молчит?

– К сожалению, времени на всё не хватало – продолжил Леонид Юрьевич, – Я бросил посещать тот институт прежде, чем успел добраться до высоких ступеней просвещения. Однако от обучающихся там людей я несколько раз слышал об одном из преподносимых на старших курсах учениях, которое может тебя заинтересовать.

Сергей сосредоточено слушал, не заметив, что из-за этого немного склонил голову вправо.

– Учение о событиях, происходящих с участием нескольких человек, об особом их толковании. Основной тезис учения таков: каждому событию, связанному с принятием решений людьми, предшествует некое едва уловимое состояние. Дело в том, что когда в событии участвует более одного человека, то эти участники невольно создают взаимодействием сознаний единое психическое поле. Между собой ученики называли это состояние «тям». С научной точки зрения, «тям» можно интерпретировать как квази событие, потому что в большинстве случаев они остаются никем незамеченным, а значит и полноценным событием называться оно не может. Моё мнение заключается в том, что феномен дежавю – это одно из проявлений ощу-

щения «тям», ведь в этот момент внимание человека обостряется. Аргументом против такого мнения могут служить факты ощущения чувства дежавю, так же как и любви, во сне. Отсюда исходит вопрос без ответа: дежавю и любовь существуют объективно или это абстрактные игры нашего разума? Примерно понимаешь, о чем я говорю?

– Да, но не совсем – заморожено отозвался Сергей.

– Хорошо, теперь суть. Правильно действуя внутри единого психологического поля, ты своим воздействием легонько подталкиваешь под локоток одного или нескольких участников и тем самым корректируешь исход ситуации. Однако подобные действия возможны, если ты видишь и чувствуешь больше, тоньше, острее, чем другие. Психологическое поле на перекрестке в тот день оказалось напряжено: собравшийся народ увидел схожесть аварий, ты увидел неприкасаемую помеху.

– Как интересно! – с воодушевлением отреагировал Сергей, – По сути, звучит как мистика, но из ваших уст весьма по-научному! Я ведь так и знал, что вокруг нас есть что-то такое, невидимое! Я знал! За внешним видом вещей кроется что-то еще!

– Вновь ты о вещах, – укоризненно воскликнул Леонид Юрьевич и тут же вновь заговорил прежним размеренным тоном, – Забываю, что тебе еще не приходилось всерьез применять психологическую теорию «в полях» – в жизни с реальными людьми. Пойми, никакая, даже самая загадочная, вещь не может раскрыть такого количества сокрытого в себе, как человек, к которому правильно применено психологическое знание. Моя наставница по диссертации приводила следующий пример. Если закрыть в комнате вооруженного пистолетом человека и сильного психоаналитика, то через некоторое время пистолет окажется у последнего, а первый будет рыдать у него на плече. Подумай об этом.

– Нам в университете примерно так и говорят. Мол, с психологией не пропадете, – поддержал слова преподавателя студент.

Сергей замолчал, ожидая, что Леонид Юрьевич продолжит наставления, но он тоже молчал. В таком располагающем молчании естественным образом Сергею захотелось продолжить излагать свои мысли.

– Знаете, во время последнего разговора с капитаном я вдруг начал понимать, о чем он мне твердит, – начал говорить Сергей. Слова не были обдуманы заранее, поэтому их смысл звучал ново даже для говорящего, – Люди, еще раз люди. Не нравятся мне они, но событий-то без них не бывает! Может быть, какие-то люди и правда интересны, но как это понять? Если честно, я для этого и пошел учиться на психолога, чтобы понять людей и научиться общаться с ними.

– Ты на правильном пути, – поддержал разговор Леонид Юрьевич, – Как и в любой профессии, в психологической работе важно достичь уровня, когда вырабатывается интуиция, чувство момента. К слову сказать, мне знакомы люди, которые так внимательны к окружающему миру, что им становится многое доступно, даже без специальных знаний. Если сможешь таким стать, то почувствуешь и «тямы», хоть это и нелегко. Представь, что ты в сумерках идешь по лесу. Тропинка еле заметна под ногами и виляет из стороны в сторону – это твой жизненный путь. Ты и его-то не всегда четко прослеживаешь, а «тямы» – это тончайшие ответвления, возможные прообразы новой тропинки. Большинство путников просто не знают об их существовании.

– Скажите, – голос Сергея вдруг обрел критический тон, – Если есть примерный жизненный путь, то зачем знать про «тямы», видеть незаметное? Человек стремится к своим целям по жизни и всё. Может быть, он не так быстро их достигнет, но это ведь утопия – требовать от всех максимально быстрого, эффективного достижения своих целей. Я сомневаюсь: может быть мне и не стоит придавать такое значение жизненным мелочам.

– В ответе на твой вопрос начать придется издаleка, – как на лекции, неспешно начал Леонид Юрьевич, – Какие на твой взгляд важнейшие составляющие жизни человека?

– В смысле? – буркнул и сразу глубоко задумался Сергей, – Ну, дом, счастье, язык, уверенность, любовь.

– Правильно. Две важнейшие вещи ты назвал: любовь и счастье. Только еще одну забыл – свободу. Знаешь, что с точки зрения структуры их всех объединяет?

– Так сразу не смогу сказать.

– Не вполне очевидно, но все три этих важнейших чувства – процессы! Не все специалисты с этим согласны, но я придерживаюсь именно такой точки зрения. Положение дел меня не смущает: разве есть вопрос, по сути которого все единогласны во мнении?

– Что вы имеете в виду, говоря о процессе?

– Смотри, у любви не может быть конечной конкретной цели. Именно поэтому влюбленных часто смущает отсутствие у них полного понимания испытываемого ими чувства. Не знаешь цели – не понимаешь процесс. В сознании происходит замещение описания цели любви, описанием процесса любви. Люди говорят, что любовь – это когда приносишь завтрак в постель, когда даришь цветы, когда долго смотришь в глаза. Сплошные уловки и подмены понятий! Да, они также говорят: заботиться, быть вместе, растить детей. Однако это тоже процессы, к тому же, рассмотренные по отдельности, они относятся не только к любви.

– Хм, – не зная, что добавить, отозвался Сергей, пытаюсь мысленно вникнуть в суть новой услышанной концепции.

– Отсюда мы можем плавно перейти к свободе, через термин «свобода любви».

– Кстати, этим вопросом я задавался, – наконец, нашелся, что ответить Сергей, – Всё никак не могу понять: полностью отдаваясь любви, человек ведь лишается свободы, становится рабом любви. Значит ли это, что столь сильные привязанности делают нас несвободными? Можно ли считать свободу и любовь – противоположностями?

Сергей почувствовал себя взволнованным. Отношения с девушками его беспокоили никак не меньше распознаванию мелочей окружающего мира. Непростые школьные годы, к сожалению, научили его держаться особняком от общества, отчего важным представлялось чувствовать свободу действий и мыслей. Испытывая интерес к женскому полу, он подсознательно боялся нарушить независимость мыслей от окружающих установлением личной привязанности.

– Ты произнес почти тавтологию. Привязанность – это противоположность отсутствию связей. Также как цепь – противоположность отсутствию цепи. Любовь – это особый тип привязанности. Однако говорить, что в любви отсутствует свобода – не совсем верно, – аргументировано поправил психолог, – Многие явления обладают двойственными свойствами – диалектика, видишь ли.

– Но ведь когда ты зацikliшься на человеке, то ты постоянно с ним. Даже твои мысли будут о нем. Какая же тут свобода? – не отступил Сергей, хотя доводы Леонида Юрьевича показались ему разумными.

– Пойми, что свобода – это возможность. Фактическая или потенциальная, – поймал кураж преподаватель, – Свобода – это не вещь, не цель, а процесс. Тот объект, который воспринимается целью свободы, на самом деле необходим лишь для направления причинно-следственного потока жизненных действий. Ведь известно, что человек, достигший своей цели, может разочароваться в ней или впасть в депрессию. Так вот в любви мы имеем дело с потенциальной возможностью. Тебя никто ни к чему не может обязать в чувствах – это ведь не действия. Ты сам делаешь свободный выбор быть с человеком всё время и начинаешь стремиться к этому. Чувствуешь разницу? Неуверенные в себе люди, которые уже не помнят ощущение, с которым самостоятельно сделали свой выбор, разрывают отношения иногда без веской на то причины. Виной тому желание: почувствовать, что они всё еще свободны в выборе человека, к которому хотят быть привязаны.

– До таких глубин в размышлениях я не доходил, – перегруженный информацией, безрадостно ответил Сергей.

– Теперь о самой свободе, – откашлявшись, продолжил Леонид Юрьевич, – Она не уменьшается в тот момент, когда ты ущемляешь чьи-то права, ограничиваешь свободу. Теперь ты знаешь, что свобода – это процесс. Значит, чиня людям препятствия на пути к мифическим целям свободы, мы ни сколько не мешаем сути процесса, а лишь продлеваем его по времени! Продлеваем свободу!

– Верится с трудом, – отозвался Сергей, который сидел, подперев кулаком щеку, в позе слушателя.

– Так ведь для большинства людей равноценно: только лишь стремиться к свободе или получить намеченную свободу и сразу начать стремиться к большей свободе. Так происходит автоматический переход на новый виток одного и того же процесса, – замахал руками в поддержку своих слов преподаватель, – Мягко ограничивая разные свободы мы не наносим сколько либо тяжелого вреда личности. Если не сказать большего – для нормальной личности сдерживание стимулирует дальнейшие действия. Бесцельное существование – вот, что страшно, поскольку оно напрочь лишено свободы. Бедность, строгие законы, призыв в армию, даже тюремное заключение – всё это продлевает ощущение близкой свободы. Потому-то ограничение свободы – это одна из скрытых основ государственности.

Получить свободу и сразу возжелать большего. Почему-то в мыслях Сергея сразу возникла ассоциация с утренним одеванием, когда он пытался заставить не звенеть свободно раскачивающиеся плечики для одежды.

– Если хочешь знать, свобода и любовь – это великая двойка, великая двойственность чувств, – тем временем продолжил лектор, – Почти всё делается человеком из-за любви, ради любви или за возможность любить. Кто не может написать картину, тот, скажем, продает чайники. Он, быть может, даже занят самым странным делом – анатомирует пятку, но суть остается прежней. Показывая умения, человек пытается доказать кому-то, что достоин любить. Свобода чувств и устремлений, причудливо переплетаясь, не вступая в противоречие с желанием любить, создают удивительные жизненные истории. А вот развитием языка или устройством дома ты не будешь заниматься с такой самоотверженной настойчивостью, если только не желаешь с помощью них получить ощущение свободы или любви.

Странный образ не выходил из головы Сергея: плечики раскачиваются, звякают, тем самым заявляя о свободе. Вот только великая двойка чувств здесь причем? Продолжить аналогию Сергей пока не смог.

– Подходим к ответу на твой вопрос, – акцентировал внимание студента Леонид Юрьевич, – Для этого нам осталось поговорить о третьем важном процессе. Счастье – это процесс приближения к целям. Признаться, это правда, наименее принимаемая людьми. Когда мы, психоаналитики и психотерапевты, говорим пациенту «будьте счастливы», то это не означает пожелания достичь далекой цели. Напротив, это подсказка о том, что нужно жить с ощущением счастья, искать его вокруг, получать его ежедневно, пусть небольшими порциями. Быть счастливым – значит жить счастливым, а вовсе не добиться почти несбыточной цели. Каждый день, небольшими порциями: понимаешь, к чему я клоню?

– Вы про мелочи, которые я замечаю? – догадался слушатель.

– Совершенно верно! Итак, можно всю жизнь стремиться к счастливым мечтам, всю жизнь пытаться идеально любить, всю жизнь пытаться достичь абсолютной свободы. В какой-то момент ты сдашься, потому что поймешь, что не можешь достичь абсолютных чувств. В этот момент ты станешь несчастен, как и все прочие сдавшиеся. Иная дорога, которая берет начало от «тямов», проходит через твоё видение маленьких составляющих этого мира. Вот частичка свободы, тут капелька любви, а здесь мгновение счастья. Всё это можно получать ежедневно,

чувствуя, обращая внимание на это. Только регулярное созерцание почти невидимого мира дарует рецепт счастливой жизни.

– Вот оно что. Выходит, что это целая концепция, а я случайно поймал её за хвост, – повеселел Сергей, – А у меня ведь и название для нее есть – реальная мистика. Когда я что-то замечаю, чего не видят другие – это мне кажется таким мистичным. От того название и родилось, с подачи одной девушки.

– Неплохое название, молодой человек. Насколько могу судить, термина такого нет, – похвалил Леонид Юрьевич, – Официально такой концепции нет. Можешь считать мою историю размышлениями о жизни старого психолога и педагога.

Собеседники остановились в диалоге. Настало время для краткого мысленного подведения итогов. Сергей внутренне порадовался: его внимание, исходя из слов ученого, спотыкается не о бессмысленные вещи. Само приподнятое настроение от выявления интересных фактов доказывает, что психолог прав, ведь заметить удивительное и удивиться – такие близкие понятия.

Далее, стало понятно, что только от набора предметов счастливым, свободным и любимым не станешь. Замечать намного интереснее «тямы» – наметки событий. Протеканию же событий необходимы люди, столкновение сознаний, их взаимодействие. Сергею подумалось, что реализовывать различные исходы из события – это всё равно, что выходить из комнаты через разные двери. Обнаружить в стенах события двери можно, только когда ты не один.

Наконец, последняя обдуманная Сергеем в эти минуты мысль касалась мелочей, что и отражают полноту счастливой жизни: улыбки незнакомого человека, малых удач будничного дня, добрых слов друзей, свободы выбрать дорогу к дому и еды на ужин, свободы мыслей и привязанностей.

– Но ведь всё о чем мы говорим, начиная с внимания к событию на перекрестке и заканчивая концепцией созерцания мистической реальности, звучит бредово, правда? – первым нарушил молчание Сергей, выразив мысли фразой вполне достойной речи психолога, – Я даже не знаю, как о подобном рассказать кому-нибудь.

– Правильно опасаться – ничего удивительного не будет в том, что тебя не поймет случайный слушатель. Большая удача, если новые мысли не оказываются отвергнутыми и проигнорированными при первом обнаружении. При этом не обязательно пытаться показать своё видение мира малознакомым людям. Просто живи с этим знанием. Если уж есть желание выразить мысли, то для этого есть современный инструмент – научная или публицистическая статья.

– Имеете в виду, что не стоит бояться, что мыслишь не как все? – уточнил Сергей.

– Между нормальным, как у всех, и ненормальным тончайшая грань, – принялся за новые объяснения психолог, – Простой пример. Если мы разговариваем сами с собой вслух – это выглядит как отклонение и считается таковым. Если разговариваем про себя, не открывая рта – это остается незамеченным, даже когда мы сообщаем, что обдумали вопрос тщательно, подразумевая большой поток мыслей «за» и «против», что является, по сути, разговором с самим собой. Так велика ли разница?

Сергей с трудом сохранял вид умного человека, поскольку запутался в логических цепочках, протянутых психологом через все затронутые темы разговора. Между тем опытный лектор продолжал.

– Да, что там статьи! Целые труды некоторых ученых отлично показывают попытки систематизации неочевидных мелочей. Таков сборник математических задач Магницкого, с часто оригинальным взглядом на жизненные факты. Подборки задач по физике, геометрии, астрономии, арифметике от Перельмана пестрят удивительными, но вполне бытовыми заметками. Известны и единичные случаи открытия особенностей мироустройства. Таковы законы подлости Мэрфи и теория невероятно случайного совпадения Юма.

– Почему же разные люди видят разный мир вокруг?

– Это простой вопрос. Всё дело в разном восприятии людьми окружающей действительности и построении их психикой перцептивной реальности. Попроси нескольких человек описать яблоко, его вкус, запах. Да, оно круглое и имеет определенный цвет внутри и снаружи. Однако обяжи людей как можно больше рассказать о яблоке, о том, что они видят, чувствуют, ощущают на вкус. В конце концов, попроси нарисовать его. Ты поймешь, что суть яблока почти неповторима для разных людей. Каждый из нас живет в своем собственном мире. Почитай труды философов или писателей – это подчеркивается неоднократно, хоть и в разных словесных и логических формах. На различия в психике накладывается иногда случающийся обман мозга нашими собственными физическими чувствами – галлюцинации и аномалии. Наука здесь еще не во всем разобралась, например, с массовыми галлюцинациями.

Леонид Юрьевич сделал паузу, ожидая вопросов, но задумчивый Сергей не раскрыл рта, поэтому лектор закончил мысль.

– Наше восприятие индивидуально – это стоит ценить. То единственное, что тебе дано на всю жизнь – это собственное восприятие мира, с мелочами или без. Всё остальное зыблемо. Даже если человека признают сумасшедшим, то есть его восприятие мира по какому либо вопросу отличается от восприятия большинства людей, то нужно его уважать. Ведь частью общего восприятия является восприятие самого себя, что для мыслящего существа первостепенно. Сергей, сохрани своё собственное понимание яблока и не меняй его, кто бы что не говорил.

– Спасибо. Кажется, я понял вас, – решил больше не задавать вопросов Сергей. Он услышал так много информации для размышлений, что ему хотелось закончить разговор, поэтому он сменил тему, – А почему вы вернулись сюда из Санкт-Петербурга?

– Думал, что будет еще много возможностей, что смогу еще не раз съездить туда, да обратно, – ответил Леонид Юрьевич и его голос, едва заметно, стал более грустным, – Однако жизнь редко позволяет вернуться к чему-то прежнему. Она как наездница гонит наших лошадей только вперед.

– Гонит наших лошадей. Имеете в виду, что всё время нужно стремиться вперед не обращаясь? Как же тогда замечать менее существенные вещи и анализировать прошлое?

– Сергей, не совершай ошибку некоторых других психологов и философов, – еще более откровенно продолжил Леонид Юрьевич, – Искать смысл жизни нужно умеренно. Тратить всё свое время на глубокомысленные размышления о жизни – это всё равно, что бедняку тратить последние гроши на оплату психологической помощи безработным. Не лучшее решение. Иногда нужно просто жить.

Молодому человеку нечего было возразить. Вместо ответа он распрямил затекшие, сгорбленные плечи и спину, а потом громко выдохнул. В голове в этот момент почему-то ощущалась легкость и пустота.

– Сергей, на счет твоих заметок, – неожиданно тон психолога стал слегка заискивающим, – Ты пробовал придать им художественную окраску?

– Как это? Зачем?

– Сейчас на кафедре идет набор работ на конкурс «Психология в прозе». Попробуй, опиши свои мысли в форме рассказа.

– О трубе, что ли написать? – без энтузиазма отозвался Сергей.

– Молодой человек, о людях нужно написать. Психология! – для пушей убедительности по слогам произнес Леонид Юрьевич, – Понимаешь?

– Кажется. Я подумаю.

– Вот и хорошо. Кстати мне пора на встречу. Удачи тебе в учебе, и не попадайся больше нашим правоохранительным органам.

Услышав последнюю фразу, Сергей успокоился. Похоже, что психолог напишет положительное заключение, а значит, сумасшедшая история с перекрестком окончена.

После прощания Леонид Юрьевич направился в ближайший продуктовый магазин, где взял свежее молоко и хлеб. Оттуда он проехал на троллейбусе несколько остановок до своего дома. Много позже, после блока вечерних новостей, он сел за потертый письменный стол и под желтыми, горячими лучами настольной лампы дополнил рукопись статьи о манипуляции сознанием несколькими абзацами.

Глава 5. Тёмная рысь

*Мягкая, тёмная рысь
Медленно прыгает с неба.
Как бы ты светел не был,
Ты её берегись...
Девий Алексей, «Оберег-стих»*

Бывает, мельком взглянешь в чужие глаза и видишь зрачок, не более. Если намерено и внимательно рассматривать их, то можешь обнаружить некоторые из чувств: хитрость, холодность, гнев, тревогу, высокомерие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.